дамский детектив

Галина Романова

МУЖЕЙ МНОГО НЕ БЫВАЕТ

Галина Владимировна Романова
Мужей много не бывает
Серия «Дамский детектив (Эксмо)»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167394
Г.Романова Мужей много не бывает: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-22270-4

Аннотация

Виолетту преследуют несчастья – первый муж Аркадий умирает от сердечного приступа. Второй – красавец Семен Незнамов – погибает от взрыва бытового газа. От сильнейшей депрессии Виолетту спасает любимое занятие – она пишет книги. Начав роман, сюжетом для которого послужила история внезапной смерти второго мужа, Вита вдруг понимает, что в его гибели очень много неясного… В жизни Виолетты появляется еще один мужчина – Николай Кротов, партнер по бизнесу ее первого мужа. От него Вита с удивлением узнает, что ее скромный Аркадий, оказывается, владел бензоколонками и был человеком весьма состоятельным!.. Судя по всему, после своей смерти мужья оставляют ей в наследство одни тайны. Но Вита с ее природным любопытством обязательно их разгадает!..

Сложно было представить, что авантюрная идея изложить на бумаге придуманную криминальную историю внезапно перерастет во что-то серьезное и станет смыслом жизни. Именно с

этого начался творческий путь российской писательницы Галины Романовой. И сейчас она по праву считается подлинным знатоком чувств и отношений.

В детективных мелодрамах Галины Романовой переплетаются пламенная любовь и жестокое преступление. Всё, как в жизни! Нежные чувства проверяются настоящими испытаниями, где награда – сама жизнь.

Каждая история по-своему уникальна и не кажется вымыслом! И все они объединены общей темой: настоящая любовь всегда побеждает, а за преступлением непременно следует наказание.

Суммарный тираж книг Галины Романовой превысил 3 миллиона экземпляров!

Содержание

Часть I 5
Глава 1 5
Глава 2 13
Глава 3 29
Глава 4 45
Глава 5 69
Глава 6 92
Конец ознакомительного фрагмента. 94

Галина Романова
Мужей много не бывает

Часть I

Глава 1

Семен Незнамов появился в моей жизни не вдруг и не сразу. Как говорится, сначала было слово…

– Девушка, у вас свободно? – Обворожительно улыбаясь, высокий молодой человек стоял возле моего столика в рабочей столовой и в нетерпении подрыгивал левой ногой. Такое нетерпение было вполне объяснимо, так как тонкий пластиковый поднос в его руках прогибался под тяжестью тарелок.

– Пожалуйста, пожалуйста, – последовало мое меланхоличное. – Свободны аж все три места.

Он поблагодарил меня кивком головы и с облегчением обрушил поднос на стол.

Так, так, так… Не знаю, как насчет других достоинств, но отсутствием аппетита молодой человек явно не страдал. Двойной борщ. Салат. Картофельное пюре с парой бифштексов. Стакан сметаны. Три сырника. Стакан кофе и булочка, размерами своими сильно смахивающая на половинку обыч-

ного батона.

Парень ловко освободил поднос от тарелок и, сунув его в руки проворной уборщицы, пододвинул к себе тарелку с салатом. Пара минут – тарелка пуста. Столь же быстро были поглощены и все остальные блюда комплексного обеда. Одним словом, пока я уныло ковыряла вилкой в гречке с малюсенькими кусочками мяса, гордо именуемыми «гуляшом по-столичному», молодой человек все съел.

– Нет аппетита? – сочувственно поинтересовался он, откусывая булочку и запивая ее кофе. – Бывает… А готовят, кстати сказать, совсем неплохо. По роду своей деятельности часто в разъездах, есть с чем сравнить. Кухня хорошая…

Пока он с набитым ртом пытался пробудить у меня хоть какой-нибудь интерес к содержимому моих тарелок, которое осталось почти не тронутым, я принялась внимательно рассматривать парня.

На вид ему было лет тридцать, может, чуть больше. Высокий. Гибкий. Плечи в меру широкие. Руки под короткими рукавами легкой рубашки мускулистые. Обычное лицо с выдающимся подбородком, раздвоенным ямочкой. Многие дамы считают это признаком мужественности и сексуальности. Я же считаю такой подбородок свидетельством ослиного упрямства и непомерных амбиций. Губы яркие и капризно изогнутые, что опять-таки подтверждало мое мнение об очевидной настырности данного типажа. Нос с едва заметной горбинкой. Такой, знаете ли, голливудский профиль,

вдохновляющий некоторых особ на романтические грезы о соответствии подобного размера носа некоторым параметрам других мужских достоинств. Ошибочное, скажу я вам, утверждение, не нашедшее подтверждения в широких массах. Глаза темные. В точности рассмотреть их цвет мне не удавалось, так как пристальное внимание с моей стороны могло быть истолковано превратно, но то, что взгляд их был добрым, меня приятно удивило.

Позднее, вспоминая эти первые минуты нашей встречи, я долго пыталась понять, чем же все-таки взял меня этот парень? Чем сумел так приворожить? И ответ в конечном итоге сводился всегда к одному – секрет заключался в его глазах. И даже не столько сами глаза, сколько этот его взгляд. Этакая смесь снисходительного понимания и безграничной сердечности… Она мгновенно западала в душу. Она переворачивала там все, вызывая трепетное желание прильнуть к его надежному плечу и крепко зажмуриться. И ведь плечо его отчего-то сразу стало казаться надежным. И руки сильными и верными…

Любовь с первого взгляда, скажете вы – и ошибетесь. Нет, не было никакой любви ни с первого, ни со второго взгляда. А вот желание довериться ему – да! Оно рождалось где-то в области сердца, приятно расслабляя и отпуская вожжи природной настороженности. Все недоверие, выкормленное и выпестованное годами, начало плавиться и испаряться под его взглядом. Дышать вдруг стало легко, а ведь каких-то

пять-десять минут назад горький удушающий комок стоял в горле. Помещение заводской столовой перестало казаться душным и смрадным, я начала улавливать приятные запахи свежеиспеченной сдобы и кофе. Гомон посетителей перестал раздражать, а губы отчего-то упорно не хотели складываться в горестную скобку, растягиваясь в глупой (как мне тогда казалось) улыбке.

– У вас что-то случилось…

Он не спросил, нет. Он сказал это с твердой уверенностью, будто всю жизнь только тем и занимался, что отлавливал дамочек вроде меня и ставил им диагноз: глупая гусыня, неудачница с непомерной тяжестью на сердце от чужого предательства. И хотя предательство по отношению ко мне на сей раз совершил не человек, а судьба-разлучница, сделавшая меня в одночасье вдовой, я все равно чувствовала себя обманутой.

– Мой муж…

Голос мой предательски дрогнул при этих словах, я была не в силах закончить фразу, словно давая возможность этому милому молодому человеку поупражняться в проницательности. Он не подвел и на сей раз.

– Он умер?

Не бросил, не предал, не изменил. Он не предположил ничего из перечисленного. Просто и кратко: умер, и все. Полувопрос, полуутверждение с сочувственным покачиванием головой и скорбным светом, льющимся из темно-зеленых

глаз (мне все же удалось рассмотреть их оттенок).

Я подтверждающе кивнула, и горестный комок вновь возник у меня в горле. Почти тут же вилка выпала из моих ослабевших пальцев, тихонько звякнув о столешницу. И тут же мою руку накрыли его пальцы.

Господи, что за наваждение?! Пальцы как пальцы, не длинные и не короткие. Одним словом, самые обычные. С крепкими розовыми ногтями, подстриженными, может быть, излишне коротко. Ничего же особенного не было в его руках. Отчего же так мгновенно потеплело на душе?! Откуда это неповторимое ощущение покоя?!

«Парень обладает даром воздействия на психику! Очнись! Идиотка! – опасливо заворочалась в моей голове природная осторожность. Я попыталась вернуться в уже привычное состояние скорбящей вдовы. – Сейчас же убери руку со стола и беги отсюда!»

Ага, как же! Моя осмотрительность в вопросах знакомства с представителями противоположного пола, предательски вильнув хвостом, ускакала в неизвестном направлении и бесследно исчезла. Начни он сейчас выворачивать мне душу вопросами, вызывать на откровение, я без зазрения совести вытряхнула бы ему все без утайки. Но мальчик – надо отдать ему должное – расходовал свой дар весьма разумно. Легонько сжав пару раз мою онемевшую кисть, он убрал руку и, слегка дернув уголками губ в подобии улыбки, успокаивающе промолвил:

– У вас все будет хорошо!

– Правда? – недоверчиво приподняла я брови, внутренне прислушиваясь к тому, с каким оглушительным звоном вдребезги разлетается неповторимая атмосфера гипнотического оцепенения.

– Вот увидите! – Он многообещающе улыбнулся. – Может быть, сначала будет еще хуже, чем сейчас, но потом… Потом все будет просто отлично! Вы будете очень счастливы!!!

Ответить ему что-либо я не успела. Входная дверь распахнулась, впуская в столовую молоденькую девушку. Длинные стройные ножки, едва прикрытые коротюсенькой юбчонкой. Высокая грудь, натянувшая до невозможности трикотаж малюсенькой маечки. Длинные гладкие волосы цвета льна, с короткой челкой над небесно-голубыми, распахнутыми навстречу всему живому глазами. Глаза ее заметались по залу столовой. Было ясно как божий день, что она кого-то ищет, поскольку внешность ее совершенно не вязалась с атмосферой этого обеденного зала.

Наконец взгляд ее остановился на парне, сидевшем напротив меня и так же, как и я, внимательно смотревшем на вошедшую нимфу. Они узнавающе улыбнулись друг другу. И, позабыв обо всем, а обо мне в первую очередь, молодой человек кинулся ей навстречу. Девушка тут же вскинула руки ему на плечи, припечаталась к его щеке поцелуем, и, впустив в душноватую атмосферу рабочей столовки струю ароматного майского воздуха, они скрылись за дверью.

Я легонько потрогала кончик своего носа, пытаясь угадать: остался ли на нем след от ощутимого щелчка, что с насмешкой отвесила мне гадюка-судьба, и, подхватив свою плетеную сумочку, поволоклась к выходу.

Пряный воздух жаркого майского дня обволакивал ароматом цветущих садов, делая течение мыслей вялым и податливым. Они плавно блуждали по извилинам, пробуждая совершенно ненужные и неуместные в данной жизненной ситуации фантазии. Они будоражили, тревожили, теребили запретное. Сопротивляться этим незримым миражам сил не было, а они все разрастались и множились, заставляя сердце трепыхаться пойманной птицей. Кончилось это тем, что, вернувшись домой и с силой захлопнув за собой входную дверь, я упала ничком на бывшее когда-то супружеским ложе и разразилась горькими слезами. Определить природу своих слез я, правда, затруднялась, хотя и таращилась дольше обычного на фотографию покойного супруга, висевшую на стене напротив. И если раньше (буквально вчерашним вечером) его печальная полуулыбка, выхваченная маститым фотографом, перехватывала мне дыхание, то сейчас удушье вызывали иные причины.

Мне потребовался весь остаток дня и добрая половина ночи, чтобы, не кривя душой, признаться-таки самой себе: причина моего неуемного горя в нем. В том самом молодом незнакомце, что так необдуманно пообещал мне счастливое существование в будущем. И если уж быть до конца откро-

венной, то не в нем, а в том, что он не был рядом со мной. И вот как только эта самая мысль посетила меня, я поняла, что лишилась покоя основательно и надолго…

Глава 2

– Родная моя, – ласково шептал мне кто-то голосом покойного мужа. – Ты поспи немного, а через пару дней мы сядем с тобой на самолет и улетим далеко-далеко. Там нас с тобой никто не достанет. Мы будем удить рыбу. Ходить по утренней и вечерней росе босиком и питаться ягодами и сладкими кореньями. Мы будем любить друг друга с неистовством и бесстыдством первобытных. Иди ко мне, мой славный человечек.

Я протянула навстречу ему руки и… едва не грохнулась с кровати.

Боже! Это был сон! Это был всего лишь сон, который повторялся последние одиннадцать месяцев с изматывающим душу постоянством. И что самое главное, эти слова были им произнесены на самом деле незадолго до смерти. Это не был вымысел моего ошалевшего от горя сознания. Мы ведь на самом деле собирались лететь с ним на юг. Был у него друг или родственник его друга (не помню точно), имеющий хижину где-то в горах. Он частенько сдавал ее людям, которые вроде нас с супругом устали от городской сутолоки и постоянного присутствия огромного количества людей в их жизни.

Отдых не получился.

Меня закрутили дела текущие, и супругу пришлось лететь одному. Провожая его в аэропорт, я нетерпеливо поглядыва-

ла на часы, боясь пропустить внеочередное совещание у генерального спонсора моего рискованного проекта. Аркаша заметил мое нетерпение и с плохо скрытой обидой пробормотал тогда:

– Ладно, поезжай на свое совещание. Дела бездомных ребятишек куда важнее, чем я…

– Ну что ты, милый!!! Как ты можешь?! Ты же знаешь, что это не так!!!

Мое возмущение было совершенно непритворным, и он тут же уловил это. Бережно взял мое лицо в свои ладони. Пристально, пожалуй, даже слишком пристально рассматривал его несколько минут и, нежно приложившись губами к моим губам, прошептал:

– Ты такая красавица у меня… Просто страшно оставлять тебя здесь одну…

– Я прилечу к тебе при первой возможности, Аркаша! – пообещала я, в глубине души проклиная одного из местных нуворишей, вдруг решившего прервать свой отдых в Ницце и вплотную заняться благотворительностью, сократив время своих раздумий аж на целый месяц. – Как только что-то прояснится, я тут же…

– Витуля, детка, ты же знаешь, что этого не будет. – Аркаша осторожно поглаживал мой левый висок большим пальцем правой руки. – Ты сейчас окунешься в дела с головой. Ты будешь землю рыть, лишь бы оттяпать у этого мецената кусочек побольше. Мне ли не знать, как ты болеешь душой

за малолетних наркоманов, бродяг и прочих отщепенцев.

Он тяжело вздохнул, ожидая моего возмущенного возгласа по поводу столь нелестной характеристики моих подопечных. Но я промолчала. Его печаль была столь очевидна, столь неприкрыта, что вменять ему в вину этот всплеск ревности мне не захотелось. Я просто обняла его покрепче, поцеловала и, как только объявили посадку, легонько подтолкнула:

– Иди уже, а я следом. Обещаю вылететь через неделю. Что бы ни случилось, я прилечу. И все будет так, как ты говорил: и рыбалка, и прогулка босиком по росе, и наша с тобой любовь. Ступай, милый, ступай.

– Обещаешь? – Он недоверчиво обернулся, остановившись на полдороге. – Через неделю?

– Через неделю…

Я вылетела ровно через семь дней, но не потому, что освободилась-таки наконец и сумела выцарапать из плотного рабочего графика время для отдыха. Нет. Я летела для того, чтобы забрать тело моего мужа, который скоропостижно скончался от инфаркта.

Проанализировать сейчас, что я чувствовала тогда, я бы не смогла, даже если бы очень захотела. Нескончаемая вереница автобусов, машин, людей. Объятия друзей, их скорбные слова, сочувственные приветствия, нелепые вопросы на тему «как это могло случиться».

Боже, я думала, что это никогда не закончится. Что этот

кошмар, начавшийся ранним утром страшной телеграммой, будет продолжаться вечно. Что все эти люди, плотным кольцом обступившие меня в те дни, наивно полагая, что так для меня будет лучше, никогда не оставят меня одну. Не дадут остаться наедине с моим горем.

Вот тут я заблуждалась вторично. Толпа друзей схлынула сразу после поминального обеда в день похорон, решив, что все приличия соблюдены и пора бы, как это говорится, и честь знать. Еще через три дня разъехались все близкие и дальние родственники, и я осталась в огромной пустой квартире совершенно одна…

Печально вздохнув, я откинула край стеганого атласного одеяла и нехотя сползла с кровати. Огромное зеркало, занимавшее двухметровое пространство между окном и дверью, тут же услужливо представило мне отражение моей помятой физиономии с темными полукружьями под глазами. Спутавшиеся волосы тусклыми прядями рассыпаны по плечам. В глазах пустота, взгляд начисто лишен даже признаков выражения. Губы почти бесцветные. Руки слегка подрагивают. Ноги с трудом ступают по ковру – следствие вчерашней пешей прогулки в туфлях на высоких каблуках.

Н-да, мать… Это тебе не восемнадцать и даже не двадцать пять… Это уже почти на десяток выше…

Как-то некстати в памяти всплыл облик вчерашней белокурой нимфы, вся внешность которой даже не кричала, а

просто вопила о молодости и здоровье. Казалось, ткни ее пальцем, и тут же брызнет живительный эликсир этой самой молодости, за которым и стар и млад готовы лететь сломя голову. Стоило мыслям вильнуть на эту запретную стезю, как перед глазами возникло лицо ее спутника.

Интересно, как его зовут? И сколько же на самом деле ему лет? И неплохо бы узнать, чем он занимается. Что-то такое он говорил о вечных разъездах… Может быть, стоит позвонить Лидке и поспрашивать? Неспроста же он околачивался в этой столовке. Туда не каждый приезжающий в город спешит попасть, а попадают обычно те, кто в силу своей профессиональной деятельности пересекается с этим заводом, где уже двадцать лет изготавливают керамическую посуду. Кстати, не такого уж плохого качества и совсем недорогую.

Меня так вот просто нужда туда всякий раз загоняла. Нашему реабилитационному центру позарез была нужна новая посуда, потому как мои подопечные были людьми импульсивными и неосторожными, и первое, что страдало в момент их разгоряченных дебатов, была, конечно же, посуда. Покупать посуду в магазине – слишком дорого, а на заводе тарелки с кружками мне отдавали почти даром. То у них там случался брак, то какая-нибудь уценка, то просто невыполнение плана поставок, и сбытовики рассовывали свою продукцию направо и налево.

Одним из таких инициативных сотрудников, быстро скользнувших на новые рельсы современного хозяйствова-

ния, и являлась моя давняя подруга. Полная невысокая хохотушка Лида, одевающаяся в немыслимых размеров старомодные блузки, располагала к себе с первой минуты. Со второй вы были готовы посвятить ее во все свои тайны, включая периоды овуляции и сексуальной холодности вашей супружеской половины. С третьей вам начинало казаться, что эту женщину вы знали всю свою жизнь. Ну, а на четвертой вам неизменно хотелось поскорее избавиться от ее назойливого присутствия. Именно этот последний фактор и мешал мне осуществить почти созревшую идею расспросить Лидку о незнакомце. Но колебания колебаниями, а рука сама собой уже снимала телефонную трубку и привычно набирала нужный номер.

– Отдел сбыта акционерного общества «Керамика», – пропел мелодичный Лидкин голосок, по которому никогда не заподозришь, что в его обладательнице сто двадцать килограммов живого веса. – Слушаю вас…

– Привет, Лидуш, это я.

Она привычно ахнула и, тут же переключив телефон на другую линию, принялась нести положенный светский бред о здоровье, природе и погоде, которая просто шепчет… и так далее. Когда весь ее обязательный словесный приветственный запас поиссяк, она добавила интригующих ноток в голос, сделав его на редкость сексуальным (вот уж кому работать на линии сексуальных услуг по телефону, так это ей, ей-богу!), и тихо пробормотала:

– Ваша загадочная персона, уважаемая, была вчера замечена в непосредственной близости от одного молодого интересного… Ну что «Лидия Анатольевна»?! Что?! Ни одного горшка продать не можете без меня, елки-палки!.. Витуля, я тебе перезвоню.

Она отключилась, оставив меня сидеть в кресле с горящими щеками и растревоженным любопытством. Вот тебе раз… Оказывается, я поторопилась со звонком. Лидия и сама бы созрела через час-другой, а теперь нужно высасывать из пальца причину своего утреннего вмешательства в ее напряженный рабочий ритм. Ежели такое раньше и случалось, то по очень уж важной причине, а тут…

Но Лидка, как оказалось, пропустила сей факт мимо сознания, зациклившись на моем вчерашнем собеседнике.

– О чем вы разговаривали? Он так мило тебе улыбался, дорогая!.. Я бы на твоем месте…

И так далее и тому подобное. Из каждого ее слова сочилось неуемное любопытство и искреннее желание спарить меня хоть с кем-то, лишь бы избавить от бессмысленного прозябания в одиночестве.

– Ну?! – требовательно воскликнула она минут через десять. – Чего притихла?! Ты вообще слушала меня или нет?!

– Слушала, конечно, – с легким смешком ответила я. – Но мало что поняла.

– Нормально, нет?! – возмущенно фыркнула подруга. – Я для кого тут распиналась десять минут кряду? Ты хоть по-

няла, какая рыба тебе в сети идет?

– Хочу внести ясность, Лидок, – как можно строже вторглась я в ее возмущенный лепет. – Во-первых, никто никаких сетей не расставлял. Во-вторых…

Что могло быть «во-вторых», я никак не могла придумать, потому как молодой человек действительно обладал всеми достоинствами, необходимыми для того, чтобы скрасить чье-то одиночество.

Тридцати трех лет от роду, Незнамов Семен только что вернулся из длительных скитаний по странам дальнего зарубежья, имея вполне твердое намерение осесть на нашей грешной, но богатой талантами земле и обзавестить семейством. То ли ему достался в наследство дом, то ли квартира, я, если честно, из сбивчивого повествования Лидки не уловила. Но сведения о том, что молодой человек жилплощадью был обеспечен, сомнению не подлежали.

Вторым и совсем немаловажным фактором, идущим ему в актив, был тот, что Семен абсолютно не нуждался в средствах. Шикарная машина, за рулем которой он прибыл в наш город, и огромная фура с тремя контейнерами его вещей, следовавшая за его джипом, свидетельствовали о том, что парень упакован под завязку.

Ну и, наконец, последний и, пожалуй, самый весомый аргумент в его пользу – Семен Незнамов был дьявольски хорош собой. Он был не из тех красавцев, при виде которых останавливается дыхание и подкашиваются ноги, нет. Самые

обычные, казалось бы, глаза, нос, рот, подбородок. Но вот обаяние этих самых глаз… н-да. Этим господь его не обделил, это точно. Сила его взгляда лишала воли и способности мыслить здраво. Звук его голоса убаюкивал, успокаивал, делая все происходящее несущественным. Что уж говорить о молодых наивных девчонках, если я сама – женщина с вполне уравновешенной психикой и здоровым цинизмом по отношению к жизни вообще, а к мужчинам в частности – после десятиминутного общения с ним воспылала нездоровыми фантазиями на тему: «Ах, что могло бы быть, если бы он?..»

– Что во-вторых? – вкрадчиво поинтересовалась Лидия, озабоченная продолжительностью паузы в телефонной трубке. – Ты не договорила, дорогая.

– Да ничего, Лид. Не знаю я, что во-вторых. Но умом чувствую, что от этого парня нужно держаться подальше.

– Умом? – недоверчиво хмыкнула все понимающая подруга. – А сердцем, Витуля? Как насчет твоего сердца?

Сердце…

Лично мне казалось, что оно разбилось вдребезги после смерти Аркаши. Разорвалось на тысячу мелких кусочков. Почти год у меня в груди не утихала щемящая боль от невозвратимой потери. И стоило ли сейчас, когда боль эта стала понемногу отпускать, пытаться подвергать измученное сердце новому испытанию?

– Витуля, – ласково пропела Лида, сильно чем-то загро-

мыхав. Должно быть, от нетерпения она так ерзала на стуле, что страдалец не выдержал и разломился. – Ну чего ты? Боишься?

– Боюсь, Лида! Еще как боюсь! – еле слышно проворчала я, поражаясь собственной смелости. – К тому же этот мальчик был не один. Его увела молоденькая девчушка, и не думаю, что мои шансы…

– А вот тут ты ошиблась, дорогая! – победоносно воскликнула подруга, выдергивая козырной туз из рукава. – Стала бы я тебе голову морочить, кабы не его интерес к твоей персоне. Стоило ему обосноваться в своем кабинете… Кстати, я тебе еще не сказала, что он наш новый начальник отдела маркетинга? Так вот, стоило ему там обосноваться и перекинуться со мной парой неформальных предложений, как он тут же…

– Рассказывай! – возмущенно перебила я ее. – Зная тебя, нетрудно предположить, что ты сама подвела его к этой теме! Лидка, признавайся!

– Ну ладно, ладно, каюсь. Был такой шкурный скачок в разговоре с моей стороны, был. Но он сам мгновенно так оживился!.. Принялся выспрашивать о тебе. А под занавес попросил познакомить вас поближе. Представляешь?!

– Нет! – выдохнула я испуганно и положила трубку.

Этого я не представляла. Ну… может быть, самую малость. На том безобидном уровне, из которого ничто и никогда не должно проистекать или повлечь за собой нечто обязывающее.

– Бред! – остановила я себя, не желая кривить душой. – Полнейший бред! Признайся наконец, что ты хочешь этого молодого человека, как никого и никогда не желала!

И вот стоило мне произнести это вслух, как ход моих мыслей упорядочился и я пришла к неожиданному заключению: кажется, я влюбилась.

Влюбилась осознанно, серьезно и, как мне тогда казалось, на всю жизнь. А поскольку интерес к моей персоне у Незнамова все же присутствовал (если верить словам все той же Лидии), то пытаться задушить в себе столь неожиданно вспыхнувшее чувство я поостереглась.

«Пусть будет так, – решила я с каким-то непонятным трепетным душевным беспокойством, от которого мне вдруг захотелось загорлопанить во всю силу легких. – Пусть это все же свершится! Время покажет…»

Как оказалось впоследствии, временем Незнамов очень дорожил и тратить попусту его не собирался, о чем мне прямо и заявил уже при третьей нашей встрече.

Проходила она, как и две предыдущие, при огромном скоплении народа, то бишь в директорском кабинете их славного предприятия под названием «Керамика». И встреча эта именовалась не как-нибудь, а совещанием по решению вопросов, касающихся спонсорской поддержки нашему реабилитационному центру. Мы, как и в первых двух случаях, сидели с ним рядом. И фразы, которыми нам удавалось обмениваться, сводились к тому, чтобы благодарить друг друга

за оказанную любезность, например:

– Ах, мой карандаш, кажется, закатился под стол!

– Возьмите мой, пожалуйста.

– Спасибо.

– Пожалуйста…

Или:

– Что он только что сказал?

– Кажется, что-то о срыве плана мая месяца…

– Все понятно…

– Более чем… Времени жаль… Очень жаль времени. Нельзя его расходовать так бездумно!..

Вот, пожалуй, и все общение, которым подпитывались мои эмоции на протяжении двух с половиной недель.

Долгими майскими ночами, лежа без сна в собственной постели и задыхаясь от головокружительного запаха сирени, что буйно цвела под окнами, я прокрутила в уме каждое слово, каждую полуфразу, каждый кивок и поворот головы, пытаясь выудить из этого нечто такое, что способно было пролить свет на его чувства по отношению ко мне. Но, увы, безрезультатно. Ровен, корректен и беспристрастен, как, впрочем, и со всеми остальными.

Я начала страдать. Потом злиться. Причем злилась на всех сразу. Перво-наперво на саму себя, за то, что с дури великой напридумывала себе невесть что. Потом на Лидку, которая, не разобравшись как следует в ситуации, раздразнила меня и сумела подарить надежду, наверняка лишь затем, чтобы по-

развлечься развивающейся на ее глазах интрижкой. Ну потом, конечно, и на виновника моих страданий – на Семена, который даже ни разу не попытался поговорить со мной с глазу на глаз.

– Не пойду я на твое дурацкое совещание! – окрысилась я в тот памятный день на Лидию, позвонившую в неурочное полуденное время, чтобы пригласить меня на очередное бессмысленное заседание.

– Почему? – отреагировала она (к чести ее будь сказано) на мою грубость совершенно без эмоций, даже, пожалуй, ласково. – Проблемы?

– Да, со временем, – не моргнув глазом, солгала я. – Пошлю кого-нибудь другого. Слушать нытье твоего директора по поводу нехватки «средствов» может и моя секретарша.

– Ладно тебе, Витуля, – хохотнула Лидия в трубку опять-таки беззлобно. – Думаю, сегодня насчет «средствов», как ты изволила выразиться…

– Это не я, милая моя, а ваш шеф так изволит выражаться! – перебила я ее, все еще находясь в состоянии легкого эмоционального возбуждения. – Так что там?

– По-моему, они с нашим отделом маркетинга изыскали возможность спонсорской помощи твоим питомцам. – Лидка пропустила мимо ушей мое злобное фырканье по поводу «питомцев» и продолжила: – Правда, не безвозмездно. Им придется отработать в нашем подсобном хозяйстве месяц-другой…

Слушать мою ненормативную лексику по поводу условий Лидия не пожелала. Коротко простилась, напоследок уточнив время совещания.

Я, конечно же, пришла. Пришла раньше времени, и до начала совещания бедному их шефу пришлось выслушать мою гневную речь с вкраплениями некоторых непечатных выражений и наконец-то согласиться на условия, диктуемые мною.

Из его кабинета я вывалилась в приемную с горящими очами, лихорадочным румянцем во всю щеку и судорожно вздымающейся грудью.

– Ну ты, блин, вообще! – протянула секретарша Оленька, пододвигая мне запотевший бокал с минералкой. – Такого в мою бытность еще не было! Ты его просто задушила эмоциями!

– Аргументами, милая! Только аргументами! – В два глотка высадив минералку, я грохнула стакан на стол и пошла к выходу. – Спасибо, Оль. На совещание я не остаюсь в силу объективных причин.

– Понятно, – она коротко хмыкнула и, будто вспомнив о чем-то, легонько шлепнула себя ладошкой по лбу. – Совсем забыла! Тебя же Семен Сергеевич просил зайти!

– А кто это – Семен Сергеевич? – Я изо всех сил пыталась изобразить приступ амнезии и старательно пробовала скрыть безудержную радость, едва не заставившую меня взвизгнуть.

– Здрассте, – укоризненно качнула Ольга ухоженной головкой. – Ты сегодня правда что-то не в себе. Маркетинг наш! Семен Сергеевич Незнамов!

– А-а-а-а, ладно. Как-нибудь между делом заскочу. Передай ему, что на сегодня у меня другие планы. Если у него что-то срочное, пусть найдет способ связаться со мной. Невелика шишка…

Последнюю фразу я договаривала, уже почти стоя за дверью. Лишь голова моя продолжала еще находиться в приемной и кивать в такт словам и возмущенным восклицаниям секретарши. Посему факт возникновения за моей спиной вышеупомянутого Семена Сергеевича я совершенно пропустила. Хлопнув дверью, я расправила плечи, резко обернулась и нос к носу столкнулась с предметом своих вожделенных мечтаний и нелестных отзывов, не услышать которые он, конечно же, не мог.

– Добрый день, уважаемая Виолетта Александровна! – учтиво (пожалуй, излишне учтиво) поприветствовал он меня и, чуть отступив в сторону, указующим жестом вытянул вперед правую руку в сторону двери своего кабинета. – И хотя, как я слышал, встречи со мной вы не жаждете, все же попрошу вас уделить мне несколько минут.

– А что за срочность?! – почти возмущенно выдала я, хотя о такой вот минуте мечтала все последнее время. – Нельзя как-нибудь в другое время? Мой плотный график…

– Вот черт! – проскрипел он еле слышно зубами и же-

стом, напрочь лишенным обходительности, схватил меня за руку. – Идем, быстро! Я отниму у вас всего лишь десять минут, не более!..

Десяти минут ему оказалось достаточно для того, чтобы приплюснуть меня к стене своего кабинета. Жарко задышать мне на ухо, выплевывая всякого рода ругательства, смысл которых заключался в том, что я – бессовестная дура, лишившая его сна и покоя своим идиотским показным равнодушием. Затем он сделал мне предложение пойти с ним завтра утром в загс и, заручившись согласием, впился жадным ртом в мои губы с неистовством изголодавшегося по ласкам отшельника.

Глава 3

– Согласны ли вы… – речитативом бубнила заунывным голосом пожилая работница загса в неряшливом сарафане с огромным чернильным пятном на подоле.

По-моему, достаточно глупые вопросы, как, впрочем, и сама процедура. Ну кто сейчас пришел бы сюда, кабы не был согласен?! Это же не Средневековье дремучее, когда при заключении брачного союза могли возникнуть какие-нибудь проблемы. Когда кто-то мог упасть в ноги священнослужителю и разрыдаться, признаваясь в несогласии и нелюбви. Или кто-нибудь вездесущий, вдруг выскочивший к алтарю, начинал вдруг городить чушь о препятствиях, не могущих позволить двум возлюбленным соединить свои сердца, души и тела.

Мною овладело безудержное, безграничное счастье обладания. На смену вдовьему унынию пришло страстное чувство, которое человек способен испытать в своей жизни лишь единожды. Я, конечно же, не хочу сказать, что не любила своего покойного мужа, упаси меня господь от подобного кощунства. Просто то чувство – безмятежного семейного бытия, в котором я продремала почти семь с половиной лет, было несравнимо с тем, что со мной сейчас происходило. Я засыпала и просыпалась с одним-единственным желанием: видеть его рядом с собой, чувствовать его, слышать его

дыхание, голос. Банально, скажете вы и, может быть, окажетесь правы. Но все было именно так и никак иначе.

Мы не могли жить друг без друга. Каждая минута, час, день были наполнены сознанием того, что мы вместе и не можем, не хотим существовать друг без друга.

Нам с Семеном не было скучно вдвоем. Нам не захотелось отдохнуть друг от друга ни через месяц, ни через год, ни через два. Мы были тривиально счастливой парой. Но это не могло не раздражать окружающих, особенно моих подруг Лиду и Ларису. Они явно ревновали меня к мужу.

Беды никогда не ждешь. А если и ждешь, то совсем не оттуда, откуда она приходит. Тебе кажется, что должно случиться что-то нехорошее, и ты всячески пытаешься предотвратить это, пытаешься хоть как-то смягчить удар судьбы. И тут тебе – на! Потрясение такой силы и с такой неожиданной стороны, что все страшное, чего ты боишься, кажется ничем в сравнении с тем, что произошло на самом деле.

В то памятное утро, что оказалось переломным моментом счастливого существования, ничто, как говорится, не предвещало беды.

Мы с Семеном поднялись рано. Наскоро позавтракали бутербродами и кофе и через пятнадцать минут уже въезжали в ворота моей обители, которую я гордо именовала «Центром реабилитации заблудших душ». Последние два слова я, конечно же, добавляла только для себя. Смешно было называть центром одноэтажное ветхое строение, бывшее когда-то

местным планетарием. И тем не менее центр этот существовал вот уже почти четыре года. За это время в стенах его побывало много хороших ребят, в силу обстоятельств неспособных найти себя на перепутье жизненных дорог.

Столовая, две большие спальни на тридцать мест. Библиотека с тщательно подобранной литературой, большим цветным телевизором и допотопной видео-электроникой, зал отдыха. Над переоборудованием последнего мы трудились с ними сообща. Переносили стены. Красили, клеили обои. Стелили ковролин, с боем выцарапанный у спонсоров. Нашли даже печника, выложившего в постоянно плесневевшем углу камин. И пусть пожарники очень долго не подписывали мне акт, в конце концов и они смягчились, зато ребята в результате долгих трудов получили очень уютное место, где можно было поваляться с книгой, поболтать ни о чем, а то и просто посидеть у окна и понаблюдать за сменой времен года…

День был субботний, но, как ни странно, представители местной администрации затребовали моего обязательного присутствия на рабочем месте.

Если бы я знала, чем обернется для меня моя спешка и радужный душевный подъем, с которым я летела на эту встречу, то послала бы их ко всем чертям и отсиделась бы дома, сказавшись больной. Глядишь, что-нибудь да переменилось бы.

– Мы решили… – гнусавил незнакомый мне мужчина в

стильных узких очочках, – что ваша организация должна быть перенесена в другое место. В области уже работают в этом направлении. Есть средства… серьезные средства на то, чтобы укомплектовать это начинание жилищными корпусами, компьютерами, мебелью, всем необходимым. Короче, программа глобальная, а не эта ваша самодеятельность. Ну вы меня понимаете…

Я ничего не понимала. Нет, вернее, я понимала, что кто-то проникся идеей и решил вытащить все это на более серьезный уровень, но почему в ущерб кому-то?! Почему кто-то должен страдать?!

Как оказалось, пострадали лишь я да пять человек обслуживающего персонала: уборщица, дворник, повариха и два психолога-воспитателя, которые, как и я, были сокращены как штатные единицы. Одним словом, изгнаны за ненадобностью.

Часом позже, выйдя с пылающим лицом к своим подопечным, что в напряженном ожидании оккупировали дальнюю часть нашего маленького садика, я очень долго не могла найти нужных слов для того, чтобы все объяснить им. Попытаться успокоить как-то. Попробовать живописать ту атмосферу, которая будет царить там, куда их планируют перевести. Если честно, мне это было очень трудно, просто невыносимо. Несколько десятков пар глаз смотрели на меня с надеждой, а я толком не знала, что их действительно ждет впереди. И как же велико было мое изумление их реакцией по окончании

моего сбивчивого повествования!

Господи правый, я ожидала чего угодно, но только не громогласного «ура!!!», прокатившегося над садом. Не того проявления шальной радости, которая охватила их при возможной перспективе переезда в более престижное и благоустроенное место. Их совсем не затронул тот факт, что нас не будет рядом. Нас, что были рука об руку с ними все это время. Нас, разделявших с ними и радость, и печаль, а порой и сильное горе. Их совершенно это не потревожило, хотя наши отношения с ними можно было смело называть дружескими.

Воистину, молодость очень эгоистична…

Я провалялась в постели ровно неделю. Не билась в рыданиях, не жаловалась никому и ни на что. Просто, лишившись любимого дела и оказавшись ненужной и невостребованной, я утратила потребность выходить из дома.

Мой милый Семен, уходя утром на службу и возвращаясь вечером домой, заставал всегда одну и ту же картину: окруженная горой подушек, я возлежала на диване перед включенным телевизором, а рядом валялась стопка полуизмятых исписанных моим мелким почерком тетрадных листков.

– О! Дорогая, совсем неплохо! – воскликнул он однажды, заинтересовавшись записями. – Очень, очень неплохо. Хочешь, я покажу одному из своих приятелей.

– Тому, что звонила тебе в прошлом месяце, представившись родной сестрой? – съязвила я, сделавшись вдруг непри-

ятной даже самой себе.

Ну откуда вдруг эти отвратительные собственнические нотки в голосе? Зачем? Семен же не виноват, в конце концов, в том, что со мной произошло. А молодой девичий голосок на другом конце провода вполне мог принадлежать его сестре. Странно, что я ничего не рассказала ему тогда, что он не преминул мне сейчас заметить:

– Витуля, милая, – зажурчал его приятный голос у моего уха. – Ну зачем ты так?! Знаешь же, что это все чушь! Я ничего не знаю ни о каких звонках, ни тем более о родных сестрах, которых у меня, как ты знаешь, нет и никогда не было. Кому понадобилось так подшутить над тобой, мне неизвестно. Хотя это вполне могли быть твои воспитанники, которым ты отдавала всю себя и которые потом…

– Не нужно. – Я остановила его едва ли не царственным жестом ладони, походя отметив, что ногти мои давно требуют маникюра. – Я знаю, что ты хочешь сказать. Давай-ка лучше поужинаем.

Единственное, что я исправно делала все это время, – готовила вкусную и разнообразную еду. Мой муж всегда питался дома, считая непозволительной роскошью наживать себе гастрит в общественных столовках.

Сегодня я непонятно с чего расстаралась, приготовив его любимое мясо в духовке, сдобренное сыром, луком, майонезом и зеленью. Молодая картошка с топленым маслом, обильно усыпанная молодым укропом. Салат из парниковых

огурцов и помидоров, заправленный сметаной. И когда глаза у мужа удивленно округлились в предвкушении плотного и вкусного ужина, я выставила на стол бутылку белого вина.

– О-о-о, Витуля! – выдохнул он, влажно заблестев повеселевшим взором. – Кажется, все у нас нормально?

– Да, пожалуй, пора, – непонятно с чего облегченно выдохнула я, усаживаясь напротив и поправляя взъерошенные волосы, которые за последние семь дней забыли, что такое фен.

– За что выпьем? – Он достал штопор и через минуту звучно хлопнул пробкой. – За возрождение былой Виолетты Александровны или за рождение новой?

Я прекрасно поняла, куда он клонит. Ненадолго задумалась и, глядя на него сквозь пустой хрустальный бокал, загадочно произнесла:

– Наверное, за рождение. Только…

– Только? – перебил он меня, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу.

– Будешь ли ты так же любить эту другую? Ту, что, возможно, будет несколько нова и непривычна для тебя? Ту, которой ты еще не знаешь?

– Милая, – Семен наполнил бокалы вином и, подхватив свой, подсел ко мне, сильно загромыхав своим стулом. – Милая моя дурочка! Господи, я так люблю тебя, что… Правда, кто-то спел когда-то: я люблю тебя до слез. Нежность к тебе просто душит меня. Мне хочется обнять тебя и никогда

не выпускать из своих рук. Держать вот так крепко-крепко, чтобы тебя никто и никогда не посмел обидеть. Ты такая… нежная, хрупкая, ранимая. Я обожаю тебя! Иди ко мне, милая…

Смог бы кто-нибудь не разомлеть от подобных слов?! Да нет, конечно же, господи ты боже мой!!! Нет, если говоривший тебе по-настоящему дорог. Нет, даже если ты безразличен по отношению к нему. Потому как подобные признания никого не смогут оставить равнодушным, из какого бы металла ни было выплавлено ваше сердце. Слова эти способны затронуть такие чувствительные струны, что они, завибрировав, непременно найдут отклик в вашей душе. Непременно найдут. Ну а что касается меня, то я была на седьмом небе от счастья. Все отодвинулось, растаяло под его взглядом. Проблемы улетучились сами собой, сделавшись вдруг несущественными. Все, что было важно сейчас, – это он и я. Всего остального мира просто не существовало. А когда часом позже мы принялись-таки за успевший остыть ужин и Семен жестом фокусника извлек из кармана пиджака две путевки на отдых, то я просто-напросто по-девчоночьи взвизгнула и кинулась ему на шею…

Отдых намечался на середину июня. Судя по рекламному проспекту, приложенному к путевкам, нас ожидали комфортабельные коттеджи, рассчитанные на две, три и более персон, в зависимости от количества членов семьи; превосходная кухня; необыкновенной чистоты озерная вода с пес-

чаным побережьем; великолепно распланированный досуг и – что самое главное (собственно, то, ради чего мы и решились отдыхать именно в этом месте) – полная оторванность от внешнего мира. Никаких дорог или населенных пунктов поблизости на карте не значилось. Сей благословенный райский уголок находился якобы в чаще дремучего непроходимого леса. Отдыхающие должны были добираться туда (сведения черпались из того же прайс-листа) вертолетом, который прилетал туда дважды в неделю.

Изучив все эти сведения с особой тщательностью и решив, что на данный момент это как раз то, чего нам недостает, – заделаться эдакими отшельниками в самом центре России, – мы с Семеном занялись сборами.

Вспоминая сейчас те дни, наполненные приятной предотъездной суетой, я с ужасом признаю, что мое сердце мне все же что-то пыталось подсказывать. Что-то все же нашептывала мне моя обленившаяся донельзя интуиция. Почему я не обратила на это внимания? Почему?! Отчего не задалась вопросом: с чего это коротенько так заноет-заноет в груди и почти тут же отпускает? Носилась со своей робинзонадой, словно с писаной торбой, пропустив мимо ушей предостерегающие напутствия своих подружек. Вернее, разозлилась на их бестактность и на их желание постоянно совать нос куда не следует. А ведь по истечении некоторого отрезка времени не могу не признать, что в те дни в словах их было больше дружеского участия, чем когда-либо.

– Ох, Витка, – вздыхала Лидия, встретившаяся мне на рынке, где я рылась в огромной куче летних пробковых сандалий. – Ну почему туда? Почему не Сочи, Турция, Анапа, наконец?! Не ездила бы ты туда, что ли.

– Это еще почему? – рассеянно пробормотала я тогда, отыскав-таки нужную мне пару.

– Место какое-то дурацкое. В лесу… Ни дорог, ни людей. Комары одни размером с лошадь. Мало ли что может там случиться в этой глуши с ее бездорожьем?!

– Хватит болтать! – оборвала я ее, отдавая деньги продавцу с внешностью представителя кавказской национальности. – Мне это как раз и требуется: отдохнуть от людей, от всяких проблем, вытекающих из общения с ними. К тому же я вынашиваю одну интересную идею… Не делай таких глаз, я не собираюсь становиться матерью. Потом обо всем узнаешь, если у меня получится.

– Ладно, поступай, как считаешь нужным, только не плачь потом. – Выдавать мне полную расшифровку своих предсказаний Лидка явно поостереглась. Она лишь поцеловала меня, зная, что больше не увидит перед отъездом, и, продолжая укоризненно качать головой, скрылась в гуще галдящей рыночной толпы.

Лариска, конечно же, оказалась более категоричной. Она дождалась, когда машина Семена выедет со двора, ворвалась ко мне без предупреждения и битый час кружила над моей головой, подобно зловещей вороне, выплевывая из себя ис-

тории одну зловещее другой.

– Нельзя же быть такой дурой, Витуля!!! – поначалу достаточно мягко пыталась она меня вразумить. – Неужели ты не понимаешь, зачем он тащит тебя в такую глушь?!

Нет, я не понимала. Вернее, понимала, но это Лариской отметалось напрочь.

– Чтобы молодой здоровый мужик захотел отдыхать вдали от кабаков, рулеток и молоденьких загорелых девчушек?! Черта с два! Что-то он задумал! Непременно задумал.

– Лариска, прекрати, пока я не обиделась окончательно. Зачем ему девчушки, если у него есть я!

– Ага, ты! Так я и поверила! Все они козлы, Витка, все!!! Исключений не бывает! Пусть он тебе не изменял эти три года. Или делал это так аккуратно, что никто не смог узнать об этом. Но скажи мне, как может мужик, не пропускавший до тебя ни одной юбки, вдруг разом стать монахом?! Тебе же не хуже, чем мне, известно, что до брака с тобой он перетрахал половину женского населения нашего города!

– Ты все врешь! Этого не было! Это сплетни! – категорично заявила я, против воли осознавая, что Лариске все-таки удалось заронить мне в душу зерно сомнения. Дал бы бог, чтобы оно не попало в благодатную почву и не разрослось буйным цветом. Но тут опять совершенно некстати вспомнилась та молоденькая девушка, что увела Семена из столовой при первой нашей встрече. – Пусть даже и был кто-то, но за время жизни со мной… Нет! Я тебе не верю!!! Семен

верен мне и не способен сделать подлость. И совсем уж ему без надобности везти меня для этого к черту на кулички. Где логика, дорогая?!

Лариска раздумывала недолго. Потеребив острыми зубками с минуту свою нижнюю губу, что являлось явным признаком напряженной работы ее извилин, она вдруг не к месту поинтересовалась:

– У тебя выкупили акции твоего центра? Если не секрет, во сколько их оценили? Слышала, что прилично…

– Лариска! – От подобного загиба в ее рассуждениях у меня даже дыхание перехватило. – Ты сошла с ума! Подозревать моего Семена в корыстном интересе!.. Ты что же напридумывала, что из-за паршивых двух тысяч долларов он способен убить меня?! Ты совсем шальная. Он даже сделал меня наследницей – оформил на меня документы на свой дом. Говорит, не дай бог, что с ним, налетят родственники дальние, начнут судиться… Нет, у тебя определенно крыша съехала. Не хочу больше ничего слышать. Лучше уходи и прекрати портить мне жизнь, кровь и настроение.

– Ладно, – она обреченно махнула рукой и обессиленно рухнула в кресло. – Может, я и того… перегнула малость. Ты уж прости меня. Чего взять с такой стервозины, как я, кроме паскудства?! Просто твоя поездка мне совсем-совсем не нравится. Прямо как у Агаты Кристи: десять негритят решили пообедать.

– Там был остров. Здесь же самое сердце России. К тому

же почти каждый второй житель нашей многострадальной Родины сейчас вооружен мобильником. Твоя подруга как раз из их числа. Будет невыносимо – позвоню, попрошу о помощи. Хотя, думаю, она не понадобится.

– Напридумывала себе: отдохнуть от цивилизации! Это что такое вообще?! Сортир на огороде и вода горячая лишь в чайнике, так, что ли?! – горестно воскликнула Лариска, нервно закидывая ногу на ногу. – Ты с Аркашкой тоже вон хотела от людей отдохнуть – и что получилось?! Получилось то, что в трудную минуту ему таблетку валидола некому было под язык сунуть! Этот-то аргумент для тебя что, тоже ничего не значит?!

– Значит, конечно же. – Я вдруг зябко поежилась, нехотя признавая, что известная доля резона в Ларискиных словах все же имеется. – Но он был один на один с одиночеством. А теперь нас будет двое. К тому же нас заверили, что все путевки распроданы еще пару месяцев назад, а это по меньшей мере человек пятьдесят.

Лариска лишь протестующе качнула головой и от дальнейших комментариев воздержалась. Она перевела разговор на нейтральную тему, попутно выцарапав у меня признание, в котором Лидке я отказала. И лишь узнав о том, что я всерьез обдумываю идею начать писать настоящий солидный роман, немного успокоилась.

– Так бы сразу и сказала! – почти облегченно выдохнула она, прощаясь на пороге моей квартиры. – А то понакрутила

тут…

– Так это ты, а не я! – Я облегченно рассмеялась.

– Это хотя бы объясняет причину твоего идиотского желания прожить месяц в сосновых дебрях. Но все равно! – Лариска оставалась сама собой в любой ситуации. – Глаз со своего муженька не спускай! А то пока дама его сердца будет писать мемуары, он найдет себе даму своего тела. За ними глаз да глаз нужен!..

Она ушла, аккуратно притворив дверь и поцеловав меня на прощание. А мне бы, идиотке, присесть да поразмышлять над ее словами. Задаться вопросом, что и откуда проистекает. Ан нет! Эйфория, вызванная предстоящей поездкой, тут же придушила все мои сомнения, добросовестно подогретые Лариской. К тому же вернувшийся со службы с огромным букетом благоухающих пионов Семен мгновенно оценил ситуацию и, иронично рассмеявшись, устыдил меня:

– Лариска была? Была… Предостерегала наверняка. Гадости обо мне говорила? Говорила… А ты что? Ушки свои прелестные развесила? Дурочка ты моя милая. Какой же ты еще ребенок, Витуля! Неужели ты не понимаешь, что твои подруги всячески пытаются вбить между нами клин, потому что завидуют тебе? Никогда не приходило в голову, что Лариска просто-напросто не может успокоиться из-за того, что у тебя получилось то, в чем ей было отказано!

– Как это?! – вытаращила я глаза, наполняя большую керамическую вазу водой и втискивая туда пионы.

– А так! – Семен с облегчением потянул узел галстука, попутно расстегивая пуговицы сорочки. – Неужели я целый месяц буду валяться в одних трусах на пляже и не думать ни о чем?! Мне просто не верится, что такое возможно. Что не будет никаких телефонов, никаких совещаний, ночных экстренных вызовов. Ничего этого не будет. Лес, озеро, тишина и любимая женщина рядом. Что еще нужно, чтобы почувствовать себя счастливым?

– Что? – Я любовно оглядывала его поджарое натренированное тело, совсем упустив из виду то, что так и не получила объяснений вероломного поведения моей подруги.

– Чтобы эта женщина была к тому же любящей! – Он шутливо чмокнул меня в нос, с силой привлекая к себе. – Чтобы она верила, не сомневалась и не мучилась сомнениями сама и не мучила других. И тогда все получится. Все, все…

– Я тебе верю! – совершенно искренне заверила я его, прильнув ухом к его груди и вслушиваясь в ритмичный стук его сердца. – Мы уедем. Все проблемы останутся здесь и к нашему возвращению исчезнут сами собой. Все, что от нас требуется, – это отдыхать, отдыхать и еще раз отдыхать.

– Телефон не бери! – с шутливой угрозой потребовал он. – Какой тогда, к черту, отдых?! Я не возьму, и ты не бери. Идет?

– Идет… – пообещала я с чистой улыбкой и принялась щебетать ему на ухо всякий наивный бред, который так любят повторять все влюбленные дуры.

В том, что я была влюблена в своего Незнамова Семена, сомнений у меня не было. Открытием явилось другое: никогда не предполагала, что окажусь *такой* влюбленной дурой.

А телефон я все же с собой взяла…

Глава 4

Вертолетная посадочная площадка с трудом угадывалась в густой кроне деревьев. Сплошняком одни сосны и ели, кое-где виднелись дубы, еще реже березы. Подлетали мы вечером, и отчего-то эта густая поросль вековых хвойных деревьев произвела на меня мрачноватое впечатление.

– Страшно? – Семен скорчил комичную физиономию. – Сейчас нас встретят леший с Бабой Ягой. Все расскажут, помогут добраться и… затем изжарят себе на ужин.

– Да ну тебя! – отмахнулась я, не разделив его юмора. – Жутковато мне как-то здесь…

Выбравшись из вертолета, мы с ним поспешили к маленькому грузовичку с кокетливой эмблемой «Мерседес» на капоте. Водителя, правда, нигде не было видно, но он появился минуту спустя из густых зарослей неизвестного мне кустарника. Высоченный мосластый мужик с испитым лицом и прокуренными рыжими усами, свисающими на подбородок.

– Вы, что ли, сегодня прилетели? – сурово поинтересовался он, распахивая дверцы.

– Да, – Семен протянул ему для приветствия руку. – Почему-то больше никого не было.

– И не будет! – отрезал мужик, проигнорировав приветственный жест моего супруга. – Все, кто должен был прибыть, давно на месте. Три дня назад катал их целый день ту-

да-сюда. А больше никого и не ждут. Полный комплект посетителей… Тридцать человек.

«Подразумевалось не меньше пятидесяти, – мелькнуло у меня в голове, но я смолчала, мысленно готовя себя к новым сюрпризам. – Коли явилось преувеличением количество отдыхающих, не исключена возможность, что и качественный фактор будет далек от описанного в прайс-листе».

Но я не стала говорить о своих подозрениях супругу. Зачем портить настроение человеку, когда его переполняют эмоции?

Семен и на самом деле источал радость. Предвкушением чего-то необычного и прекрасного было исполнено все, что он говорил мне, пока мы ехали. Кончилось это тем, что к моменту прибытия в пансионат у меня жутко разболелась голова. А когда у меня болит голова, то выгляжу я, как бы это поудачнее выразиться, чуть лучше облезлой гиены из обнищавшего донельзя зоопарка.

– Вашей жене что-то не нравится? – с легкой обидой в голосе поинтересовалась директриса, которая приветствовала нас лично у ворот, ведущих на территорию, окруженную полутораметровой чугунной оградой.

– Нет, нет, – поспешил успокоить ее Незнамов, любезно склоняясь к ее пухлой ручке. – Просто ее укачало немного. Мигрень… Не обращайте внимания. Выспится – и все будет в порядке.

Директриса сочувственно заохала, не забывая скалить в

улыбке вставные зубы. Улыбка была адресована моему супругу, сделавшемуся вдруг на удивление галантным. Он вообще сегодня был не похож на самого себя. Сыпал без устали шутками, то и дело теребил волосы, которые наотрез отказался подстричь перед отъездом. По его мнению, коли уж записываться в отшельники, то начинать нужно именно с этого. Одежда, которой он набил свои сумки, на мой взгляд, также мало напоминала носильные вещи. Какие-то потерявшие форму линялые футболки. Шорты, которые давно забыли выбросить, свитера с рукавами до колен. В ответ же на мои возмущенные возгласы он опять-таки аргументировал это своим желанием поиграть в Робинзона.

Сейчас же он явно играл роль Казановы, расстилаясь перед пожилой теткой, вызвавшейся проводить нас до нашего коттеджа. А может, мне это просто казалось, поскольку голова моя разламывалась на тысячу мелких кусков. Кто знает? Но в том, что супруг с первых минут своего появления в этом заповедном местечке завладел ее вниманием, сомневаться не приходилось.

– Вот вы и дома, – радостно оповестила она нас, причем интуиция мне подсказывала, что она с большей радостью заменила бы местоимение «вы» на «мы». – Располагайтесь, обживайтесь. Завтрак у нас в половине десятого. Обед в три. Ужин в половине восьмого. Необычное расписание, не правда ли? Но, учитывая желание наших постояльцев, мы даем возможность выспаться за время отдыха. О досуге завтра бу-

дет объявлено дополнительно. Опять-таки все это без обязаловки, по желанию. Кстати, у нас работает магазин. Если кого-то что-то не устроит в меню, милости просим. Всегда к вашим услугам. Все, что только пожелаете!..

Я так лично желала, чтобы она убиралась ко всем чертям и не мучила меня своим присутствием, которое (сильно подозреваю) раздражало бы меня и при отсутствии головной боли.

Наконец свершилось! Старая каракатица отшаркалась, сверкнув напоследок вставной керамической челюстью, и предоставила-таки нам возможность с пристрастием оглядеть то место, где нам предстояло жить следующие несколько недель.

– Да-а-а, – с саркастической ухмылкой оглядела я убогое деревянное строение. – Коттедж, пожалуй, это очень-очень громко сказано. Сарайчик скорее…

– Ладно тебе, Витуля, крыситься, – попенял мне мой Незнамов, вставляя ключ в замочную скважину, хотя дверь смело можно было вынести даже моим плечом. – Вполне приличный домик. К тому же Вера Ивановна клятвенно заверяла меня, что внутри полный комплект услуг…

Услуги включали в себя две односпальные панцирные койки времен семидесятых, жутко ревущий унитаз, вторящий ему в унисон душ с чуть теплой мутноватой водой непонятного происхождения и овальный холодильник «Мир», который успела выбросить еще при жизни моя бабушка, а ее

уже пять лет не было в живых.

– Да-а-а, – продолжала сочиться я сарказмом. – Сей ненавязчивый сервис впечатляет, дорогой! Стоило все же прислушаться к советам подруг, стоило.

– Ладно, хватит, – неожиданно резко оборвал меня мой благоверный, падая задницей на свою койку и несколько раз качнувшись на ней под восторженное гиканье. – Не нравится, можешь улететь следующим вертолетом. Я намерен отдохнуть на полную катушку…

Знала бы я, что означает эта его полная катушка, то, не раздумывая, засунула бы его с ногами в чехол от матраца, взвалила себе на плечи и пешком бы уволокла куда-нибудь подальше. Но сие мне было неведомо. Посему я вытащила из своего дорожного баула банное полотенце, теплую байковую пижаму в смешных мультяшных человечках, туалетные принадлежности и, подивившись неучтивости супруга (прорезавшейся вдруг вместе с желанием быть дикарем), поплелась в душевую кабинку.

Два на метр размером душевая капсула просто вопила о запущенности и нищете. Ее стены, когда-то обитые дорогим пластиком, и выложенный мозаичной плиткой пол давно утратили былой блеск. Пластик облупился. Плитка повыщербилась. Смеситель отсутствовал, имелся один-разъединый кран и длинный резиновый шланг с лейкой на конце. Да если уж на то пошло, второй кран вовсе и не был нужен, так как горячая вода отсутствовала. В жаркий летний полдень,

возможно, было достаточно и подававшейся воды комнатной температуры. Но ближе к ночи, да еще в чаще леса, да еще при непроходящей головной боли…

Короче, выбралась я из этой кабины еще более измученной, чем прежде. Стеная и охая, добралась до своей койки, попутно отметив, что супруг отбыл в неизвестном направлении, ухнула всем телом на кровать и вскоре забылась целительной дремой, перешедшей в хороший здоровый сон, продлившийся аж до самого утра.

– Я пришел к тебе с приветом рассказать, что солнце встало… – журчал нежный голос Семена над моим ухом. – Вставай, дорогая, нас ждут великие дела!!!

Я осторожно приоткрыла сначала один глаз, прислушалась в тому, что происходит в глубинах моего черепа, и, поняв, что голова не болит и что я хорошо отдохнула, открыла и второй.

– Привет, – прошептала я хриплым со сна голосом и обняла мужа за шею. – Давно проснулся?

– Да с час уже! Даже успел пробежаться, пока ты дрыхла. Давай, давай, поднимайся. – Он вывернулся из моих объятий, стянул с меня верблюжье одеяло и похлопал чуть пониже поясницы. – Тебе бы тоже не мешало заняться утренним шейпингом, какие булки наела в этом своем центре. Еще годик-другой – и целлюлит вам обеспечен, сударыня.

Он и раньше частенько шутил по поводу моей задницы, но все больше нахваливая ее крепость и приятную округлость,

и ни разу взгляд его при этом не был столь оценивающе холоден. Почему-то это меня укололо в самое сердце. Что, интересно, могло произойти за неделю с моей задницей, если из «милого орешка» она вдруг превратилась в «целлюлитные булки»?

– Отстань, – резко остановила я его руки, пытающиеся стянуть с меня пижамные брюки. – Скоро время завтрака, мы опоздаем.

– Ну и что? – попытался быть игривым мой Незнамов, но сделал это как-то очень уж неуверенно, что опять-таки не укрылось от меня.

– А то! – огрызнулась я, пожалуй, излишне грубовато, но остановиться уже не могла. – Что на тебе надето, милый?! Ты сейчас мало похож на начальника отдела маркетинга, больше смахиваешь на бездомного бродяжку! Переоденься, будь добр!

Он опустил вниз изумленный взгляд и принялся елозить глазами по своим сандалиям, джинсовым шортам с прорезями в нескольких местах и майке с сильно вытянутыми проймами.

– Может быть, это и стильно, но не совсем к месту, – попыталась я несколько смягчить свой тон. – Твоя щетина… Лохмы на голове… Хотя ты и перехватил их этой хипповской ленточкой, аккуратностью все равно не пахнет. Переоденься, пожалуйста.

– Да? – О взгляд, которым он смерил мою подростковую

пижамку, можно было уколоться. – И не подумаю! Сходи и посмотри, во что одеты все остальные, а потом придирайся ко мне… киска!

Я почувствовала, что ему хотелось сказать мне что-то гораздо более резкое и неприятное, но он воздержался и лишь шарахнул со всей силой входной дверью, оставив меня в одиночестве.

Обессиленно опустившись на край кровати, жалобно застонавшей подо мной, я попыталась собраться с мыслями и сформулировать для себя разъяснение того, что здесь только что произошло. Но у меня ничего не получилось.

Семен Незнамов, вернее, его поведение перестало поддаваться анализу. Оно выходило из-под контроля. Не из-под моего, упаси господи, из-под его же! Ведь это был человек, который и помыслить не мог о том, чтобы выйти из дома в нечищеных ботинках или без галстука. И вдруг такая метаморфоза! Когда же я проглядела его?! Когда его подменили?! В вертолете или чуть позже, когда он вовсю распускал павлиний хвост перед этой дамочкой? Это была катастрофа! Во всяком случае, для меня. Нет, ну как можно пойти на завтрак в потной майке и джинсовых шортах, в которых приличные люди картошку копать не будут?! Волосы растрепаны, щеки небриты, и еще эта его дурацкая повязка на лбу. Что подумают люди, увидев его впервые?!

Я всерьез обеспокоилась, заметавшись по комнате и натыкаясь то и дело на полированный стол, пару стульев и пла-

тяной однодверный шкаф с треснувшим посередине зеркалом. В момент моих метаний я вдруг налетела на сумку моего Незнамова, брошенную прямо посередине комнаты. Больно ударила большой палец ноги и, всхлипнув непонятно от какой печали, осела на пол.

Дура! Ну что за дура, право?! Чего взметнулась, чего мужику настроение испортила с утра?! Прикид его не понравился? Да совсем не в этом была причина! Он и в робе тюремной будет выглядеть молодым, красивым и до неприличия сексуальным.

Вот оно!!!

Я едва не задохнулась от мысли, неожиданно посетившей меня в этот самый момент. Вот причина моего гневно выплеснувшегося неприятия – я просто-напросто не хотела, чтобы его видели в таком виде другие женщины, чтобы они смогли рассмотреть в нем то, что вдруг с отчетливостью поперло наружу: его дикий, первобытный шарм, который возможно было скрыть под белоснежной сорочкой, застегнутой на все пуговицы и затянутой тугим узлом галстука.

Я ревновала! Грубо, примитивно ревновала его, боялась его обаяния, его желания нравиться окружающим. При этом я чувствовала, что проигрываю в сравнении с ним. Не скажу, чтобы я чувствовала себя рядом с ним полнейшей развалиной, – отнюдь нет, но всякий раз, когда какая-нибудь юная (и не очень) особа кидала в сторону моего супруга игривый взгляд, это больно отзывалось в моем сердце, напоминая мне

о моей, мягко говоря, зрелости…

В столовую я пришла, конечно же, позже всех.

Во-первых, слишком долго провозилась со сборами, отыскивая приличествующий случаю наряд. Остановилась в конце концов на песочного цвета льняных широких брюках, в тон им клетчатой рубашке с короткими рукавами и легкими танталетками на невысоком каблуке. С макияжем особо не усердствовала, лишь оттенила слегка губы светлой перламутровой помадой. С прической пришлось повозиться, так как приспособить мой электрический фен было невозможно за-за отсутствия розеток. Посему, высушив волосы, я собрала их в высокий хвост и, следуя примеру моего Незнамова, перехватила легкой шелковой косынкой.

Второй причиной моей задержки на пути в столовую явилось тривиальное любопытство, с которым я оглядывала все вокруг. Выводы, сделанные мною после осмотра, были неутешительными и сводились к такому заключению: не верь всему тому, что пишут, прежде чем не увидишь все сама.

Нет, место действительно было очень живописным. Девственный лес. Чистый воздух. Блики озерной воды были видны с каждой аллеи, что расчертили территорию пансионата на клеточки. Но вот в остальном… Может быть, здесь и было когда-то шикарно, но те времена давно канули в Лету. Подозреваю, что вместе с благословенной и несбыточной мечтой выстроить в нашей стране коммунизм. Все строения

были деревянными, не считая административного корпуса с этакой помпезной башней, больше напоминавшей часовню. Дорожки пересекались друг с другом, образуя некое подобие шахматной доски, а коттеджи – близнецы нашего – располагались в центре каждой такой клетки, словно подержанные шахматные фигурки.

Клумбы, клумбочки, живые изгороди, скамейки, качели, всевозможные спортивные сооружения от шведских стенок с турниками до брусьев с бревном – это все было относительно свеженьким и ухоженным и очень удачно скрадывало негативное впечатление от убогости всего остального.

Столовая и магазин с милым сердцу названием «Ладушка» уживались под одной крышей. С высокого крыльца в дом вели две двери, в настоящий момент приветливо распахнутые. Уже поднимаясь по ступенькам, я услышала радостный гомон присутствующих и звон посуды. Запахи, между прочим, впечатляли и дарили утраченную было надежду, что рацион будет не столь скромным, как все остальное.

Я переступила порог и сразу очутилась в огромном зале. Пять столов на четверых слева, пять – справа. Раздаточное окошко с хлипкой на вид перегородкой, отделявшей обеденный зал от кухни. Слева от окошка некое подобие буфета, где горкой высилась выпечка.

Оглядевшись, я обнаружила своего супруга за одним из отдаленных от входа столиков в обществе семейной пары, возраст супругов было сложно определить с такого большо-

го расстояния да и в силу их своеобразной одежды. К слову сказать, мой Незнамов не был здесь белой вороной, скорее ею являлась я в своих помпезных тряпках. Мне оставалось только изумляться умению людей находить для отдыха такие ветхие и убогие одежды. Линялые футболки и бесформенные сарафаны. Вытянутые на коленках спортивные штаны и шорты, подозрительно напоминающие джинсы с откромсанными штанинами. Стоптанные кроссовки, сандалеты с втиснутыми под пятку лямками. Короче, пробираясь к своему месту, я чувствовала себя не в своей тарелке.

– Привет, – Семен приветствовал меня радостной улыбкой и похлопал ладонью по стулу рядом с собой. – Присаживайся. Долго ты. Кстати, познакомься – супруги Черновы. Александр и Елена…

Чета оказалась довольно молодой и приятной. Миловидная круглолицая женщина с веселыми, искрящимися дружелюбием глазами и пухлыми яркими губами. Жизнерадостный супруг с приветливым, располагающим лицом. Мы пожали друг другу руки, и я опустилась на свое место.

– Чем нас сегодня угощают? – кротко поинтересовалась я у супруга, испытывая неловкость за свое поведение.

– Соки, кофе, чай, омлет, каша рисовая, фрукты по выбору, булочки, шанежки, коржики, макароны, кажется, еще пофлотски…

– Ого! Никаких тебе комплексов, что хочешь, то и выбирай?

– Приблизительно так. И довольно сносно, – улыбнулась Лена, расправляясь с остатками каши. – На обед обещали кролика на вертеле. Вечером дискотека. Днем что-то еще, но мы с Сашей намерены позагорать. В городе превратились в каких-то белых мышей. Сосудики синие проглядывают…

Ее беззаботный треп меня нисколько не раздражал. Заказав официантке омлет с кофе и пирожным, я исподтишка рассматривала моих новых знакомых, не забывая таращиться и на всех остальных.

Ну что я могу сказать о публике, выбравшей местом отдыха такое заповедное местечко?.. Странноватая, нужно сказать, публика. Все старались держаться особняком, образовав эдакие малюсенькие семейные кланчики. За исключением нас и Черновых, все беседовали лишь друг с другом. Видимо, имея намерение отдохнуть от общения с окружающим миром, народ не собирался его нарушать. Одним словом, коммуникабельностью в этом пансионате не пахло. И, по-моему, представителей администрации это устраивало, поскольку никаких воззваний к общественным мероприятиям нами услышано не было.

– Пляж протяженностью с километр. Библиотека с видеотекой находится в административном здании. Вечером желающие могут там же потанцевать, – речитативом объявляла всем директриса без особого энтузиазма, видимо, слабо надеясь на посещаемость.

Так оно и было. Публика собиралась вместе лишь в столо-

вой. Все остальное время люди растворялись за стволами вековых деревьев, словно загадочные жители этой чащи. Ежели, завидев кого-нибудь с книгой на скамеечке, вы делали попытку приблизиться и завязать разговор, то вас могли смерить таким взглядом, что это желание отмирало молниеносно.

Даже на озере не было никакого подобия нейтральных вод. Каждый клан, облюбовав себе участок, тут же столбил его забытым полотенцем, вбитым колышком с забытой же панамой или аккуратно выложенным булыжником кострищем.

Даже Черновы остались верны этой негласной традиции и обосновались далеко от того места, где расположились мы с Семеном.

– Странно здесь все… – пробормотала я полусонно, распластав себя на надувном матрасе под яркими лучами солнца.

– Почему? – точно таким же тоном и голосом поинтересовался мой супруг. – В чем ты видишь странность?

– Как-то все…

Я напрягла воображение, пытаясь выразить свои мысли вслух, но муж меня опередил, строго оборвав ход моих рассуждений:

– Тебе чего хотелось, я не пойму? Уединения хотелось! Покоя! Здесь же как раз полное невмешательство в дела друг друга. Полнейший суверенитет. А если ты здесь ради обще-

ния, то не стоило и приезжать. Вера Ивановна подтвердила мне, что этой традицией и славно здешнее место: никакой навязчивости. Каждый выбирает себе только то, что ему хочется… Тебе все понятно, милая?

Более или менее мне было понятно, почему люди выбрали это место отдыха. Но вот понять, как можно так долго находиться в изоляции, я отказывалась напрочь. Мне так лично хватило недели, чтобы почувствовать некий вакуум вокруг собственной персоны и затосковать. Несколько раз я доставала из потайного кармашка дорожной сумки припрятанный там мобильник и силилась включить его, чтобы потрепаться с подругами, но, помня об обещании звонить лишь в крайних случаях, вновь его убирала. К чему понапрасну тревожить девчонок? Они хоть и сволочились по поводу моего счастливого брака с Незнамовым, но ведь все опять же из-за меня. Из желания видеть меня счастливой, а не с осколками сердца, которые мне едва удалось собрать воедино после смерти Аркаши.

Кстати, об Аркаше… За эту неделю я очень много времени думала о нем и не могла не признать, что тоска по нему до сих пор еще не отмерла. Просто ее вытеснила любовная эйфория, и она поселилась где-то глубоко внутри. А здесь этой эйфории как раз и не замечалось. Моя душа была полна чем угодно: скукой, раздражением, усталостью, но отнюдь не счастливым любовным трепетом. То ли виной тому была здешняя специфическая обстановка разобщенности и дре-

моты. То ли мой супруг, занявшийся вдруг ни с того ни с сего спортом и проводивший почти все время на тренажерах и беговых дорожках, опоясывающих пансионат с внешней стороны забора. А может, я сама, не сумев отыскать ничего, что могло бы пробудить мой подвявший энтузиазм. Короче, одинокие дни и вечера, которые я проводила в философских размышлениях о смысле жизни, обрыдли мне окончательно к середине второй недели.

– Милый, ты опять уходишь? – выпростала я обнаженное плечо из-под простыни. Последние три дня духота стояла невообразимая, и мы с Семеном спали нагишом, но опять-таки на разных кроватях.

– Да, – он провел растопыренной пятерней по волосам, натянул свою повязку. Молниеносно обрядился в драное тряпье и, сунув ноги в кроссовки без шнурков, двинулся к двери. – Сегодня хочу увеличить нагрузку и пробежать чуть дальше. Раньше обеда меня не жди. Пока туда, пока оттуда, плюс время на отдых. Да, все правильно. Часа три, думаю, уйдет…

Он ушел, забыв даже о дежурном поцелуе и поселив в моей душе глухой протест на весь остаток дня.

Какого черта, спрашивается, я тут делаю?! Сижу сиднем с книгой, делая попутно наброски своей собственной. Затем валяюсь на солнце, поджариваясь со всех сторон, подобно котлете. Набиваю желудок жрачкой (хоть она не разочаровала, оказавшись разнообразной и вкусной). Затем смотрю в

восьмой раз дебильную американскую кинокомедию, потому что остальное еще хуже – сплошные трупы, кровь, насилие и секс.

И вот еще о сексе… Его у нас не было уже дня четыре. Если учесть, что каких-то пару месяцев назад подобный срок воздержания для моего Незнамова являлся неприемлемым, якобы расстраивающим все его жизненно важные функции, то теперь он, судя по всему, думал иначе.

Мне же… Мне же оставалось только прозябать под жарким летним солнцем и ждать, когда мой благоверный соблаговолит-таки обратить свой взор в мою сторону.

– Если бы я знала!.. – пробурчала я недовольно, выбираясь из-под одеяла и свешивая ноги с кровати. – Если бы я только знала!!!

Действительно, если бы я предполагала, что, собираясь отдыхать в глуши от городской сутолоки, бестолковости и людского гвалта, Семен включит в один из этих пунктов и меня, то поостереглась бы давать согласие на подобное путешествие. Лучше бы оставаться мне в городе и попытаться найти себе занятие, от которого бы и мне было хорошо, и ему… все равно. Да-а-а, хочется мне того или нет, но не признать факт полнейшего равнодушия со стороны моего Незнамова я не могла. Он мало того что не замечал меня, он меня откровенно игнорировал. Стоило мне выйти из озера и распластаться на берегу рядом с ним, как он тут же вскакивал и бегом летел в воду. Или, наоборот, стоило мне после-

довать за ним, как он, сказавшись усталым, валился кулем на песок. Опять же это, то бишь наше совместное посещение пляжа, случалось крайне редко из-за неожиданно вспыхнувшего у моего супруга пристрастия к спорту.

Медленными шагами направляясь в сторону душевой капсулы, по-другому назвать это место помывки у меня просто-напросто язык не поворачивался, я вдруг поймала свое отражение в треснувшем зеркале шкафа и, приостановившись, принялась себя с пристрастием рассматривать.

Ну что я могла сказать после десятиминутного пристрастного осмотра? Очень даже ничего… Более того, только очень зажравшиеся мужики могли бы счесть меня неинтересной женщиной.

Талия на месте. Бедра без единого следа лишнего жира. Ноги как были длинными и стройными, такими и остались. Высоте и упругости моей груди могли позавидовать молоденькие девчонки. Пусть объем немного и уступал современным стандартам, но он великолепно вписывался в общие пропорции моей фигуры. Одним словом, меня еще очень рано было списывать в запас, очень.

Так, теперь о моей физиономии… Здесь тоже сейчас все было в полном порядке. Благотворное влияние чистого воздуха, перенасыщенного ферментами, впрыскиваемыми в него хвойным лесом, сделало кожу сияющей и посвежевшей. Никакой тебе отечности и дряблости. Хоть и не в радость мне был здешний отдых, но природа потихоньку делала свое

дело, возвращая моей внешности утраченные в городском смоге краски. Только вот глаза… С этим действительно была проблема. Здесь ни о каком сиянии говорить не приходилось. Потухшие, лишенные радости и словно ждущие чего-то еще более нехорошего.

– Займи себя чем-нибудь, милая! – попросила я свое отражение в зеркале и даже попыталась улыбнуться и подмигнуть себе, но потом взгляд мой упал на смятую постель супруга, и энтузиазм мой мгновенно улетучился. – Нет, ну какой же все-таки гад!!!

Никогда прежде я не позволяла себе называть своего мужа каким-нибудь нехорошим словом. Даже в те моменты, когда мы бранились, мы делали это очень тихо и интеллигентно, без лишних эмоций или, упаси бог, каких-либо оскорблений в адрес друг друга. Да и бранью-то это нельзя было назвать. Так, легкое непонимание, вызванное, допустим, неосведомленностью одного из нас в том или ином вопросе…

Выйдя из душа, я почувствовала себя ненамного лучше. Действуя скорее по привычке, нежели по желанию, убрала комнату. Протерла влажной тряпкой пол, подоконники и имеющуюся мебель (оказалось, что подобную услугу в пансионате отдыхающим не оказывают), надела купальник, легкий коротенький сарафан и, взяв несколько чистых листов бумаги с карандашом, пошла к озеру.

Маленькая гавань, которую мы успели застолбить с Незнамовым, была, наверное, единственным местом, где мне бы-

ло по-настоящему хорошо. И даже мое недовольство явным скотством моего супруга, которое за несколько последних дней набрало вдруг большие обороты, здесь почти сходило на нет.

Место было словно специально предназначено для уединения. Два ряда молодых сосенок сбегали к воде, образуя некое подобие узкого коридорчика, в котором мы обосновались. Белый крупный песок. Мягкий шелест прибрежных волн. Шелковистая сочно-зеленая трава под соснами. От всего этого веяло таким покоем, что портить эту ауру черными мыслями я считала неуместным.

Я доставала из-под деревьев припрятанный там надувной матрас, укладывалась на него, подставляя голую спину солнцу, и принималась кропать наброски моего будущего романа. Время от времени карандаш выпадал из моих ослабевающих пальцев, я роняла голову на скрещенные руки и начинала дремать. Потом так же внезапно глаза мои приоткрывались, и я принималась отслеживать происходящее вокруг. То меня интересовал полет шмеля, который все норовил усесться на мою руку, то яркая бабочка, кружившая над моей плетеной сумочкой, то паутинка, зацепившаяся за нижние ветви сосен. Одним словом, течение мыслей в этом прелестном месте становилось на редкость безмятежным, плавным и умиротворенным. Проблемы переставали быть проблемами, а воспринимались как психоз взбалмошной бабы на пороге менопаузы. Окружающие люди казались приятными и

ненавязчивыми. А погода… Боже, это же просто чудо, что за погода стояла в эти дни!

Сегодняшнее утро, вернее, уже почти полдень мало чем отличался от всех предыдущих. Жаркое солнце, белый песок, милые сердцу голубоватые блики воды и полнейшее ощущение изоляции от всего остального мира.

Неторопливыми движениями я выпростала из-под ветвей матрас, в который раз подивившись его прочности, сняла с себя сарафан и, устроившись поудобнее, взяла в руки карандаш.

Удивительное дело, слова без труда складывались в предложения, а дремоту, одолевшую меня под палящими лучами солнца, тут же как рукой сняло.

Я просто диву давалась, не успевая записывать галопирующие мысли. Сюжетная линия, которая прежде едва лишь угадывалась, выстроилась совершенно четко, открывая простор для дальнейшего развития действия и раскрытия образов. Короче, я не услышала звука приближавшихся шагов.

– О-о-о, милая! Процесс пошел, как вижу? – раздался вкрадчивый голос Семена над самым моим ухом. – Ты, я гляжу, не очень-то и скучаешь?

Неторопливо собрав в стопку исписанные листочки, я убрала их вместе с карандашом в сумочку и, с наслаждением потянувшись, скатилась с матраса на голый песок и улеглась на спину.

– Что так рано? – поинтересовалась я ровным, ничего не

выражающим голосом, рассматривая супруга из-за стекол солнцезащитных очков.

– Рано? Счастливые часов не наблюдают? – Незнамов упал на задницу недалеко от моего изголовья. – Скоро три, дорогая. Время обеда. Я вернулся, тебя нигде нет. Народ уже гурьбой потянулся в харчевню, а любимой нет и нет.

– И ты забеспокоился, – подвела я итог его словам.

– Да, а должно было быть по-другому? – В голосе моего Незнамова появились игривые нотки, видимо, и на него здешняя атмосфера возымела-таки влияние. – Ты так загорела, дорогая…

– Как? – Приняв позу пограциознее, я продолжала наблюдать за ним. – Тебе нравится?

– Еще бы! Еще как нравится! – Семен дернул кадыком и, пододвинувшись поближе, засунул обе руки за бюстгальтер моего купальника. – Ух ты! Какая прохладненькая, славная. Витуля, может, ну его к черту, обед? Может, побежали в домик? А?!

Вожделение в его голосе было более чем явным, его подчеркивал весь его вид вкупе с участившимся дыханием. Именно этого я так жаждала все эти дни, именно этого! Я так мечтала, чтобы он снова был очарован мной, как прежде, когда терял голову от одного прикосновения ко мне. И вот, кажется, свершилось!.. Отчего же тогда мой поганый язык вдруг ни с того ни с сего ляпнул «нет»?! Кто дернул меня за него?! Наказать захотелось? Помучить? Тот ли это случай,

кто ответит?

Незнамов сник мгновенно. То ли бойцовские принципы за три года семейной обыденности подрастерял, то ли жара не способствовала натиску, но он больше не сделал попыток склонить меня к тому, чтобы я предпочла секс обеду.

Пока я плавала, он вытащил мои записи и внимательно прочел сотворенное мною за сегодняшний день.

– Ты очень талантлива, детка, – резюмировал он, постучал пачкой бумаги себе о колени, выравнивая тем самым край, и убрал их обратно в сумочку. – Это не нужно в себе давить, это нужно, наоборот… как бы это выразиться…

– Да ладно тебе, философ. – Я наклонилась и поцеловала его в щеку. – Я все и так поняла. Идем-ка обедать.

Отчего-то мне не захотелось с ним разговаривать о моей работе. Что за дурацкий каприз? Отчего этот неприятный холод в груди, когда я поймала его взгляд на себе? Слишком расчетливый, слишком холодный и, по-моему, слишком отстраненный. Черт знает что!!! Опять я к нему придираюсь! Мужик весь пансионат облазил, меня разыскивая. Волновался за меня. Возжелал, в конце концов! А я, идиотка, солнцем сморенная, опять пытаюсь по трепету его ресниц отыскать в его глазах какую-нибудь пакость.

Словно услыша мои сомнения на свой счет, Семен поднялся, быстренько убрал надувной матрас на прежнее место, подхватил меня под руку и повел с пляжа, мурлыча мне на ухо всякие милые бессовестности. Я вырывала руку, хо-

хотала и уже через пару десятков шагов напрочь забыла о том, что еще утром чувствовала себя абсолютно несчастной от недостатка внимания с его стороны.

Он был моим мужем, моим любимым мужем, и это давало ему преимущественное право быть прощенным за все, даже за то, чего он, возможно, и в мыслях не держал. Моя душа ликовала. Все мои страхи и сомнения были отметены. Я упивалась его вниманием, поглощая его, как иссохшаяся без дождей почва долгожданную влагу…

Семен не отходил от меня ни на шаг в этот день и два последующих дня тоже. Шутки, комплименты, внимание, все было как и прежде. Все как и перед отъездом сюда. Вспомнил даже эротический массаж, которым он меня баловал на первом году супружества. Одним словом, мой Незнамов раскрутился на всю катушку, чтобы придавить к ногтю мою бдительность, что начала было предостерегать меня, мучить мою душу, охваченную страстной любовью.

Был, правда, один моментик, когда заныло у меня под ложечкой, зашептало, что все это не к добру. Но я тут же строго приказала себе: «Не каркай, дура!» Я и не каркала. Обмирала от восторга в его сильных руках, не слыша голоса разума, слабеющим шепотом вещавшего мне:

– После радости – неприятности, по теории вероятности…

Глава 5

– Разрешите мне представить вам вновь прибывшего отдыхающего, – торжественным голосом оповестила всех Вера Ивановна за ужином, который состоял из запеченной лососины, отварной картошки, пары салатов и разнообразных кисломолочных продуктов. – Идемте сюда, Дашенька.

Вера Ивановна указала пухлой рукой в центр столовой, и почти тут же из-за ее стола, стоящего в заметном отдалении от остальных и оттого плохо просматриваемого, поднялась высокая девушка. Она грациозно отодвинула свой стул и, обогнув директрису, вышла на середину столовки.

Все присутствующие разом побросали ложки и вилки и в немом изумлении уставились на это неземное создание. Другое определение найти было трудно. Именно неземное, никак иначе, ибо сие творение смело могло претендовать на роль ангела и дьявола в одном лице.

– Добрый вечер, – произнесла девушка спокойным милым голосом, в котором мне послышался глухой рокот камнепада. – Прошу прощения за то, что оторвала вас от вашего занятия. Меня зовут Дарья. Я немного опоздала…

Ничего себе немного! Ровно половина срока прошла! Очаровательная особа между тем продолжала источать флюиды обаяния.

– Вера Ивановна благосклонно позволила мне занять ме-

сто за своим столиком на время этого ужина, но это не совсем удобно. Может быть, кто-нибудь сможет меня приютить?

Боже, сколько лукавой прелести в этой полуулыбке! Сколько ненавязчивой, милой наглости! Такое может позволить себе лишь истинная красавица, к тому же прекрасно осведомленная о силе своих чар.

А Дашенька была не просто красива, она была потрясающе, божественно красива. Даже со своего места я смогла рассмотреть, как нежна и чиста ее матовая кожа. Ее талию можно было обхватить даже моими пальцами. Коротюсенькие шортики, скорее напоминавшие трусы, не скрывали длинных красивых ног и нижней части крепеньких ягодниц, которые Дашенька выставляла на обозрение без особого стеснения. Коротенький топик еле-еле прикрывал соски высокой, даже на вид упругой груди, не стесненной бюстгальтером. Руки изумительной формы, словно крылья лебедицы, взлетали при каждом ее слове и крепко прижимались ладонями к груди с левой стороны, да так, что кромка ее розового соска все же выглядывала наружу. С особым пристрастием рассмотреть ее лицо мне не удалось, но то, что оно имеет черты умопомрачительные, видно было за версту.

– Эй, – Даша обнажила в улыбке два ряда великолепных зубов и капризно дернула правой ножкой, – к кому мне можно подсесть за стол, господа отдыхающие?

Свободных столов действительно не было. Их вынесли

еще в самом начале заезда. Всего их насчитывалось десять – по четыре места за каждым. Но поскольку отдыхающих вместе с нами насчитывалось где-то человек тридцать, не более, то два стола – по одному из каждого ряда, убрали уже на второй день. Дашина проблема решилась бы сама собой, кабы кто-нибудь расторопный из обслуживающего персонала заблаговременно вернул один из столов на место, но это, видимо, не входило в планы административного клана, поэтому девушка стояла сейчас под перекрестным огнем устремленных на нее взглядов и откровенно недоумевала по поводу людской неприветливости.

В столовой воцарилась гробовая тишина. Девушка крутила головой, пытаясь поймать хоть чей-нибудь взгляд, исполненный симпатии и понимания, но – увы. Кто опускал глаза долу. Кто с откровенной враждебностью рассматривал ее, презрительно кривя при этом рот. Понятно, что это были женщины. Мужчины же лишь незримо пускали слюни вожделения, исподтишка елозя глазами по прелестям красавицы.

И тут произошло то, чего я больше всего страшилась и чего невольно ждала. Мой Незнамов приподнялся со стула и, приглашающе махнув рукой, с легким смешком произнес:

– Идите-ка сюда, Дарья. У нас найдется свободное место. Иначе мы никогда не сможем съесть наш ужин, а он того стоит.

Чернова побагровела. Испуганно стрельнув глазами в сто-

рону своего супруга, она быстро перевела взгляд на меня и зловеще прошептала:

– Зачем?! Это же катастрофа!!! Вита, чего ты молчишь?! Сделай же что-нибудь!!!

Ну что я могла сделать в этой ситуации? Преградить путь движущейся в нашем направлении красотке собственным телом, как шлагбаумом? Думаю, она бы с легкостью перемахнула через меня, даже не удостоив взглядом. Посему я лишь молча пожала плечами, развела подрагивающие губы в подобии улыбки и принялась сдвигать непослушный стул в сторону, освобождая Дарье место рядом с собой.

– Добрый вечер, – произнесла она, усаживаясь на стул, который ей успел притащить из подсобки мой услужливый супруг. – Давайте знакомиться.

Чернова возмущенно фыркнула и предостерегающе двинула локтем в бок своего мужа. По-моему, это было совсем уж глупо. Я протянула ладошку лодочкой и, как мне казалось, сладкозвучно произнесла:

– Виолетта.

– О! Какое красивое имя! – тут же подхватила Дарья, узрев в моем лице союзника. – Виолетта… Вита – значит жизнь! Прекрасное имя вам дали родители, Вита! Прекрасное! За это я бы даже выпила.

– Здесь сухой закон! – отрезала Лена Чернова, все это время не без негодования следившая за сценой знакомства. – Спиртного не употребляют и не продают!

– Так я привезла с собой, – загадочно улыбнулась Дарья, старательно не обращая внимания на враждебно настроенную соседку справа. – «Гжелка» подойдет?..

Мой Незнамов переглянулся с Сашей Черновым, и они одновременно звучно сглотнули слюну. Отвечать что-либо на ее вопрос им даже не было нужды. Невооруженным взглядом было видно – подойдет!

– Давайте сейчас прихватим что-нибудь из закуски в магазине, – заговорщически шептала в финале ужина Даша, склонившись над столом, да так, что груди ее едва не выпрыгивали мячиками из малюсенького топика, что опять же заставляло наших мужиков маяться. – И устроим маленький фуршет в честь знакомства. Это будет здорово, поверьте!

Может, кому-нибудь и было здорово, но не нам с Ленкой. Поддержав идею Дарьи выпить за знакомство, мы неосознанно подписали себе приговор быть ее безликими тенями до самого окончания заезда. Одним словом, наше присутствие если и замечалось, то лишь в контексте обеспечения беспроблемного досуга.

– Дорогая, а где чипсы? – вопрошал мой Незнамов, не сводя глаз с красавицы.

– Милая, открой вон ту баночку лосося, – вторил ему Чернов, даже не сделав попытки оторвать свой зад от пледа, на котором они восседали втроем у костра на берегу озера.

В результате мы с Ленкой метались от костра к роднику и обратно, кипятили чай в котелке, который принесла все

та же очень уж предусмотрительная Дашенька. Затем разливали чай в кружки, насыпали по заказу сахар, нарезали рулетики и буквально вкладывали угощение в руки «гостей». Эти трое действительно вели себя словно гости. Нам же с Черновой приходилось лишь беззвучно поскрипывать зубами, проглатывать бранные слова и ждать того часа, когда мы с нашими благоверными останемся один на один. Здесь уж они бы не сорвались, будь уверен. Заполучили бы слова благодарности по полной программе!

Видимо, Ленка Чернова оказалась более убедительной в этом плане, нежели я, потому как на другое утро их место в столовой напротив нас пустовало. Я еще тешила себя надеждой, что ребята после бдений под луной отсыпаются, подобно моему благоверному, когда Вера Ивановна, отозвав меня после завтрака, который я совершала в полном одиночестве, озадаченно повертела головой и пробормотала:

– Что-то случилось вчера?

– То есть?

– Черновы неожиданно уехали, даже не объяснив причину…

Вот оно что! Ай да Ленка! Ай да молодец! Почувствовав, что пахнет жареным, схватила своего Сашку под мышку и уволокла от греха подальше. А грех вон он, тут как тут – перебирает точеными ногами, улыбается призывно и идет к столику с самыми благими намерениями – откушать предложенную пищу.

Изумительный цвет лица, сияющие глаза без намека на подглазники. Словно это не она опорожнила половину бутылки «Гжелки» прошлой ночью и ушла, слегка покачиваясь, в сторону своего коттеджа, когда звезды на небе уже стали меркнуть.

– Привет! – провозгласила Даша, опускаясь на свое место. – А где Сенька?

Ага! Он уже и Сенька! Полнейший идиотизм! Он, правда, рассказывал мне, что так его звали близкие в раннем детстве. Но я сочла это неправильным, поскольку Сенька – это производное от имени Арсений. А Семен может быть Семкой, Семенчиком, Семечкой, наконец, но никак уж не Сенькой…

– Мы вчера немного перебрали, – заговорщически хихикнула красавица, с аппетитом наворачивая капустный салат.

– Мы? – изогнула я изумленно брови. То ли девушка не заметила, то ли старательно делала вид, что не замечает, что мы с Ленкой даже не пригубили водки.

– Классно было, правда?! – вовсю расточала она жизнерадостность. – Звезды! Шелест волн и деревьев! Ребята такие душки! Классно было!..

Я едва не поперхнулась от этих самых «душек». Один из них под утро получил от меня весьма ощутимую пощечину, когда, пытаясь оправдать свое свинство, назвал меня стареющей занудой. И уж что нам с Черновой не было классно, это я могла заявить с полной ответственностью.

– Чем будем заниматься после обеда? – поинтересовалась

красотка, потягиваясь на крыльце столовой, куда мы вышли с ней следом за остальными отдыхающими.

Причем у меня имелось весьма обоснованное подозрение, что те поспешили сократить время обеда до минимума, лишь бы эта девушка не мозолила им глаза.

– Я хотела бы немного отдохнуть, – призналась я честно, про себя добавив: «От тебя в первую очередь».

– Да? – разочарованно протянула она. – Ну хватит тебе, Витка! Не выпендривайся! У меня к тебе такое заманчивое предложение…

Заинтригованная ее загадочностью, я приостановилась и выжидательно на нее посмотрела.

– Я раздобыла катамаран! Поехали кататься по озеру. Мне так интересно, что там на другом берегу! А за тем поворотом?.. Поехали! Ну, Витулечка, ну пожалуйста!!!

Я заколебалась. С одной стороны, мне очень хотелось держаться от этой особы подальше, дабы не провоцировать себя на ревность и другие паскудные мыслишки. А с другой… Представив, что сейчас вернусь в коттедж, где не избежать неприятного разговора с Семеном после его пробуждения, я вдруг поймала себя на мысли, что первый вариант предпочтительнее.

– Я не знаю… – все же заколебалась я. – Может быть, Семен будет против…

– Сенька-то?! Да он спит как сурок! Я и щекотала его, и тормошила, а он даже не шелохнулся.

Это было почище, чем удар под дых! Это был полнейший нокаут! Привыкнув к тому, что здешние правила включают в себя полнейший суверенитет, мы давно перестали запирать свою хижину. И сия милая особа не преминула этим воспользоваться.

То есть выходило, что с ее появлением все правила и принципы летят ко всем чертям? К тому же зачем она солгала, спросив о нем за столом?..

Я промямлила, что мне необходимо переодеться, и поспешила к коттеджу. Мысли, которыми я терзала себя всю дорогу, хлестали меня по пяткам больнее дьявольских розог. В каком месте, интересно, она его щекотала?! За что тормошила?! Ведь мой Незнамов привык спать голым! Представить себе постороннюю женщину рядом с его обнаженным телом было не то что выше моих сил, это было для меня КАТАСТРОФОЙ глобального значения! Он мой, и только мой! Никто не имеет права посягать на то, что принадлежит мне по праву!!!

Я едва не выбила дверь своим телом, врываясь в коттедж. И почти тут же обессиленно рухнула на кровать. Незнамова в коттедже не было. Ни голого, ни одетого, ни сонного, ни проснувшегося. Он смотался, пришпилив к своей подушке записку издевательского содержания. Она гласила: «Дорогая, когда сможешь избавиться от комплекса, продиктованного тебе возрастным кризисом, можешь присоединиться ко мне на беговой дорожке».

Можете себе представить мою реакцию на столь витиеватое послание? Да, именно так я и поступила – разорвала записку на мелкие клочки, пустив их кружить веером по комнате.

Трех минут мне хватило для того, чтобы сорвать с себя одежду и бюстгальтер и облачиться на манер новой знакомой в коротенькую маечку, обтянувшую меня до неприличия, сильно укороченные трикотажные шорты, повторившие соблазнительный абрис моих ягодиц; впрыгнуть в кроссовки, предварительно выдернув из них шнурки (!), и, распустив волосы по плечам, выйти с победным видом на крыльцо.

– О-о-о, Витка, браво!!! – загикала Дашка, захлопав в ладоши и запрыгав на одном месте. – Классно!!!

Не знаю почему, но истинной радости в ее голосе я не расслышала. Что угодно, но только не радость. И это опять-таки не могло не прибавить мне настроения.

«Ладно, ребята! – хищно скалилась я про себя, накручивая задницей сверх всякой меры, когда мы с Дашкой двинулись к пристани. – Кризис возраста, мать твою?! Пусть будет кризис возраста!!! Пусть!!! Но у меня он будет протекать отнюдь не в той форме, которую вы предвидите, уважаемый Семен Сергеевич!!!»

Катамаран плавно покачивался на волнах, поднятых небольшим ветром. Мы устроились поудобнее на сиденье и вовсю заработали ногами.

За час мы с ней избороздили почти всю поверхность озера. Побывали на противоположном берегу, распугали всю рыбу, чем снискали гневные эмоциональные всплески высокого худого мужика, обряженного в резиновые рыбацкие сапожищи и длинный брезентовый плащ.

– Он каждый день здесь удит? – шепотом поинтересовалась у меня Дашка.

– Откуда мне знать? С того места, где я загораю, его не видно.

Мы снова с ней рассмеялись, увидев, как грозит нам вслед кулаком пожилой рыбак, и двинули дальше.

Красоты здешних мест сводили с ума нехоженостью троп, полным отсутствием туристов и следов их недавнего пребывания.

– Подумать только! – вдыхала полной грудью чистый воздух Дашка, выпрыгнув на берег. – Самый центр России – и такое уединение! Я об этом мечтала все последние годы. Жить в дурацком муравейнике под названием Москва – это самоубийство…

Мне показалось, что она ждет моих вопросов, но я промолчала. Мне совершенно не хотелось знать о ней ничего, как, впрочем, и слышать сам звук ее мелодичного голоса. Уткнувшись носом в густую траву, пряно пахнущую мятой, я сделала вид, что дремлю. Дашка, провозившись рядом с десяток минут, тоже затихла, и вскоре до меня донеслось ее ровное сонное дыхание. И тогда я перевернулась на спину,

чуть склонила голову набок и принялась без стеснения ее рассматривать, зная, что более удобный момент может и не представиться.

Она воистину была прекрасна. Изумительной чистоты кожа. Высокие скулы. Миндалевидные глаза и копна светло-русых волос. Летнее солнце их немного подретушировало, промелировав отдельные пряди, что только добавило ей первозданного очарования.

Дарья спала на спине, подложив под голову левую руку, а правую слегка откинув в сторону. Длинные загорелые ноги ее были скрещены и чуть согнуты в коленях, и это порождало ощущение того, что она может в любую минуту вскочить и рвануть, не оглядываясь, в непроходимую чащу леса, нависающего над озером.

Я бы многое отдала, чтобы это случилось именно так: чтобы она открыла глаза, вскочила на ноги и убежала через лес, чтобы никогда больше не возвращаться. Это чувство не было рождено одной лишь ревностью, а не ревновать своего мужчину к подобной красавице могла разве что слепая или женщина, равная ей по красоте. Поскольку конкурировать с ней из отдыхающих никто не мог, думаю, что ревновали к Дашке все или почти все, за исключением одной престарелой четы, занятой лишь друг другом.

Нет, своей ревности к ней я не стыдилась. Это было вполне нормальное и здоровое чувство, в отличие от того мелочного и позорного, которое охватило мою душу, когда я уви-

дела своего Незнамова в непривычном для меня обличье в первый день приезда сюда.

А то чувство, испытываемое мной сейчас, когда я ее разглядывала, было очень странным и каким-то нереальным. Оно было сродни обычному страху непонятного происхождения. Сказать, что страх этот был вызван предчувствием чего-то дурного, я не могла, но, зародившись в моей душе, он не исчезал.

Какое-то непонятное смятение вибрировало сейчас во мне. Может быть, оно охватывает каждого, кто смотрит на спящего человека, ожидая, что он вот-вот откроет глаза и выстрелит в тебя вопросом…

– Вдоволь насмотрелась?

Я вздрогнула от неожиданности. Колдовство какое-то, да и только! Стоило мне об этом подумать, как именно так и случилось. Дарья, оказывается, не спала, вполне убедительно притворяясь спящей. И сейчас смотрела на меня с неприкрытой ухмылкой, которая могла означать все, что угодно: от откровенного презрения до любезного снисходительного понимания…

– Да, – не нашлась я сказать что-либо в ответ на ее вопрос.

– И вывод?

– Ты – совершенство!

– Ого! Круто! И что будем делать? – Она повернулась на бок лицом ко мне и уперлась щекой о согнутую в локте руку. – Витка, ответь мне?! Что будем делать с нашей общей

проблемой?!

– Она у нас есть? – попыталась я выдавить улыбку, хотя внутри все похолодело (не напрасно все же что-то назойливо жужжало во мне, не напрасно).

– Да, это твой муж. – Дарья пружиной вскочила на ноги и заходила по берегу, красиво выбрасывая ноги. – Я полюбила его с первой минуты. Как только увидела в столовой, так сразу поняла – он будет моим! С этим уже ничего нельзя поделать! Нельзя сделать вид, что ничего не происходит! Нельзя попытаться приказать себе забыть! Этого уже не остановить, это как снежная лавина! Ты видела когда-нибудь снежную лавину, Витка? Нет? А я видела! Это ошеломляющее зрелище…

Я потрясенно молчала, уставившись на носки своих кроссовок, в которые непонятно из какого протеста не стала вдевать шнурки.

Мне нужно было что-то ответить этой восторженной идиотке. Обязательно нужно было что-то сказать. Но я не могла. У меня словно язык отсох. На какое-то мгновение мне даже показалось, что меня парализовало, потому что от жуткой головной боли, мгновенно сковавшей виски, я не могла шевельнуться.

– Что ты молчишь?! – вскричала она, падая передо мной на колени. – Что мы будем делать, Витка?! Что, скажи?! Как мы будем с тобой делить его?! Как будем рвать его на части, отвоевывая каждая для себя место в его сердце?

В ее голосе зазвучали неподдельные слезы, но жалости в моей душе они не вызвали. Впрочем, там сейчас было абсолютно пусто. Абсолютно…

– Уходи, а? – попросила я ее сдавленно. – Я прошу, уходи. И сделай милость, не попадайся мне больше на глаза никогда. А Семена… Семена я тебе не отдам. Он мой муж.

– А вот это мы еще посмотрим, дорогая Витуля! – победоносно провозгласила Дашка, поднимаясь на ноги и почти бегом двинувшись к берегу, где у нас был привязан катамаран. Потом она притормозила на мгновение, обернулась и снова повторила: – Это мы еще посмотрим!!!

Она уплыла, поднимая лопастями катамарана каскад брызг. Как она ухитрялась справляться с ним в одиночку, оставалось для меня загадкой. Да, впрочем, меня этот вопрос не слишком интересовал. Актуальной была другая проблема: как я буду добираться до противоположного берега?

Я встала и пошла, спотыкаясь на каждой кочке. Через двадцать минут я увидела того сердитого рыбака, что не совсем любезно принял наше появление, и решила обратиться к нему за помощью.

– А я что смогу для тебя сделать?! – окрысился он мгновенно, попутно поплевывая на наживку. – Коли вы с той взгальной девкой разругались, на закорках я тебя не понесу, факт! Придется в обход, а это километра два с гаком.

Я уселась рядом с его котомкой и вытянула ноги.

– Устала? – вдруг проявил он сочувствие. – Вы, городские,

непривычные. Я вон сюда рыбачить хожу аж за двенадцать километров. И ничего, живой, как видишь. А ты прошлась чуток и все, сморилась. Есть, поди, хочешь? Пошаркай там в рюкзачке, там есть что-нибудь.

Есть я не хотела, но рюкзак его к себе притянула зачем-то. Сверток в промасленной бумаге. Батон белого хлеба, разрезанный вдоль и выстеленный по срезу тонкими ломтями домашней ветчины с чесноком. Три вареных яйца. Спичечный коробок с солью. Четыре свежих огурца, редиска и фляжка с водой.

– Жена собирала? – поинтересовалась я, захрустев редиской.

– Нет, я бобылем всю жизнь живу. Тебя как звать-то?

– Виолетта. Вита, если покороче.

– Ишь ты, – он мотнул головой, забрасывая удочку. – Имена нонче чудные. Раньше Дуська, Нюка, Мотря. А сейчас… Вита, значит. А меня дядей Костей зовут. Народ меня в деревне не любит, Костылем кличут. А за что, спрашивается? За то, что я ни с кем не хочу дружить. А мне, может, этого и не нужно вовсе! Ты как думаешь, Витка?

– Не знаю, – вяло пожала я плечами. – Каждый по себе ведь выбирает, что ему нужно. Если вам хорошо без людей, почему нет…

– Вот и я говорю! – обрадованно подхватил дядя Костя и принялся сматывать удочки. – Пойдем, провожу тебя. Места пустынные. Мало ли кто обидеть может такую-то красавицу!

Я недоверчиво фыркнула и помотала головой:

– Нашли красавицу! Со мной девушка была, вот это красавица, ничего не скажешь. Богиня просто! Мужики, едва ее увидев, готовы следом на четвереньках ползти.

Представить себе моего Незнамова, ползущего следом за Дашкой, мое воображение отказывалось напрочь.

– Тю, – присвистнул дядя Костя, упаковывая свои вещи. – Разве ж это красавица?! Задом вихляет, титьками трясет и думает, что это хорошо! Такая красота, она уже через месяц приедается, потому как внутри пусто. Поверь мне, Витка, поверь. Я оттого и бобыль, что вашу сестру насквозь вижу. У тебя вот душа хорошая, хоть и тяжко тебе сейчас. Но это пройдет. Все проходит, пройдет и это. А у стервы этой голенастой… У той внутри геенна огнедышащая. Она любого проглотит и костей не выплюнет. Умный человек от нее бегом побежит, не оглядываясь.

– Где вы видели умных мужиков-то, дядя Костя? – усмехнулась я невесело, поднимаясь и следуя за ним по узкой тропинке. – Я в том смысле, что мужское племя напрочь лишается разума, когда видит перед собой такие игривые ноги!

Он оглянулся на меня, хитро прищурился, затем погрозил пальцем и, качнув обескураженно головой, невесело рассмеялся:

– Видать, достала она тебя, стерва эта. А ты не боись, Витка, не боись! Она тебе не угроза. Такими бабами, как ты, токмо дураки разбрасываются. Ты одна отдыхаешь-то али с

мужиком?

– С мужиком, – вздохнула я, глядя себе под ноги.

– Тогда все понятно. Эта хищница к нему руки протянула. Все понятно… А ты, Витка, того, не унижайся. Будет она вокруг твово паутину вить, ты виду не подавай, что тебе больно, возьми и займи себя чем-нибудь. Ты вон чтой-то писала все эти дни, вот и пиши. Какой-нибудь прок с этого все же да будет, поверь мне…

От изумления я резко затормозила. Дядя Костя тоже остановился и, видя мое недоумение, откинул полу брезентового плаща. С левого плеча у него свисал потертый кожаный ремешок, замысловато сплетенный чьими-то искусными руками, на котором болтался огромный полевой бинокль.

– Вот он, голубчик! – осклабил он беззубый рот. – Ваш берег видать как на ладони. А я дюже до людей охочий, хоть они меня и избегают… сволочи.

Да-а-а, загадочная фигура все же этот дядя Костя по прозвищу Костыль. Ни с кем, говорит, дружить не хочу, а к людям тягу имеет. Либо излишне любопытен, либо на самом деле одинок. Но пытаться разгадать сейчас эту головоломку у меня не было ни сил, ни желания. Мне хотелось побыстрее добраться до своего коттеджа, обнять своего мужа и слушать, слушать стук его сердца, искренне веря, что оно бьется только для меня…

До развилки мы дошли через сорок минут, почти не общаясь. И лишь ступив одной ногой на свою тропинку, дядя

Костя протянул мне руку и виновато пробормотал:

– Прости, девка, ежели что не так. Может, обидел тебя?

– Да нет…

– Все равно прости. Ты это… Завтра махни мне рукой, ежели у тебя все в порядке. Ладно?

– А если нет? – Против воли губы мои задрожали.

– Все равно махни. Буду знать, что ты меня не забыла… – Он сгорбился, как-то разом сделавшись меньше ростом, и пошел, шаркая огромными рыбацкими сапогами по густой сочной траве.

С минуту постояв и посмотрев ему вслед, я пошла к пансионату. С того места, где мы расстались с дядей Костей, до него было минут пять ходьбы, не больше, но и их хватило, чтобы перетряхнуть всю мою жизнь, вывернув ее наизнанку.

Что я сделала не так? Когда оступилась? Все же было прекрасно! А может быть, я находилась в слепом неведении, пропадая с утра до позднего вечера в своем центре и занимаясь судьбами чужих ребятишек? Может быть, проморгала свое счастье еще раньше, чем об этом начала догадываться? И метаморфоза, происшедшая с моим Незнамовым, есть не что иное, как отказ от маски лицемерия, которую он был вынужден носить, живя в нашем городе и имея определенный социальный статус…

Тяжко… боже, как мне было тяжко! Я то принималась ругать его, то оправдывать. То клеймила себя за все, что сейчас происходило, то жалела. Одним словом, пока я добралась до

нашего домика, в душе воцарился полнейший хаос.

– Семен! – громко позвала я, боясь услышать в ответ тишину.

– Ау! Витуля, милая, ты где это шляешься?! – Он выскочил из душа в клочьях мыльной пены и с вытаращенными от испуга глазами. – Я уже хотел на твои поиски людей собирать! Ты мне это прекрати!

– Чего это ты в душе? – как можно невиннее спросила я, мысленно сопоставив время его пробежки с моментом возвращения Дашки.

– А что в этом криминального? – Он ощетинился мгновенно и даже не попытался скрыть, насколько оскорбительно для него мое любопытство.

– Да нет, милый, я просто так спрашиваю. – Я стянула с ног кроссовки и, пройдя в комнату, упала ничком на кровать. – Я устала, Сема. Решила последовать твоему примеру и немного походить пешком.

– Вот это хорошо! – с энтузиазмом подхватил он и вновь хлопнул тонкой дверцей душа, продолжая кричать мне оттуда. – А то от безделья в твоей голове начинают бродить нехорошие мысли. Они бродят, бродят и оформляются в немыслимые выводы… С чего это вдруг ты решила ревновать меня к Дашке?! Когда она мне об этом сказала полчаса назад, я чуть на задницу не сел. Витка, ты чумная, ей-богу, сделалась от этого отдыха. Она была так расстроена, рассказывая о той глупой сцене, что ты ей закатила за озером. Витка, не дури,

а то отшлепаю!..

Мою усталость как рукой сняло. Я вскочила с кровати пружиной и в немом бешенстве закружила по комнате.

Ай да сучка! Ай да молодец! Вот, значит, каким образом она решила переплести наш треугольник?! Что же, весьма и весьма недурно. Подставить меня перед моим мужем. Очернить, выставить дурой. Заставить его испытывать неловкость за меня перед ней. Вполне классический прием. Многие и очень многие к нему прибегают. Сначала «Сенька» должен мучиться чувством вины, потом должен последовать ропот протеста, что непременно вобьет клин между нами. Далее он должен выступить в роли утешителя бедной несчастной девушки, которую преследует старая грымза, объятая ненавистью и ревностью…

Ну что же, ее действия достойны аплодисментов. Она только не рассчитала, с кем имеет дело. Я не та глупая самка, которую можно так вот легко поиметь. Нет, Дашуня, у тебя ничего не выйдет. Ничего…

Семен вышел из душа почти голым, если не считать обернутого вокруг бедер полотенца. Крупные капли воды поблескивали на его мускулистом загорелом торсе, влажные волосы откинуты назад, и с них также стекали капли. Капризно очерченный рот излишне ярок, пожалуй, излишне призывно поблескивают и его глаза. Мне вдруг стало трудно дышать.

– Милый… – прошептала я, хватая его за край полотенца. – Ты такой сексуальный. Иди ко мне…

Он недоуменно вскинул было брови, но тут же отозвался на мой призыв, обнимая и крепко сжимая мои ягодицы сильными пальцами.

– Детка, ты без бюстгальтера? Обалдеть можно! – зазвучал в моих ушах его шепот, целительнее которого для меня не было. – Не могу поверить, чтобы ты вышла так из дома! О-о-о, какая ты славная, детка…

Семен любил меня долго и страстно. Моя утренняя пощечина и его записка издевательского содержания были прощены и преданы забвению. Мы просто примитивно отдавались страсти, забыв обо всем, что нас окружает.

К тому же удовольствия мне добавляло то, что Дашка, трижды пытавшаяся попасть в наш домик, уходила несолоно хлебавши. В последний свой визит она настолько рассвирепела, что ударила ногой в хлипенькую дверь и истошно заверещала, кликая Семена своим гадким: «Сенька!!!» Мой Незнамов нехотя оторвался от меня, недоуменно посмотрел через плечо и, злобно цедя каждое слово, произнес:

– Эта девка достала, честное слово!!! Выйти по башке ей настучать, что ли?!

Грубо, но мне понравилось. Я бы с удовольствием присовокупила еще парочку-тройку солененьких словечек, но сдержалась, искренне уверовав в то, что все плохое уже случилось, а впереди нас с ним не ждет ничего, кроме безоблачного семейного благополучия.

Как же я ошибалась, боже правый!!! Как же я ошиба-

лась…

Глава 6

– Ваш супруг опять убежал вместе с Дашенькой? – оскалила свои керамические челюсти директриса, вкладывая в каждое свое слово паскудный двоякий смысл. – Что же, это иногда бывает очень полезно.

– Что именно? – холодно поинтересовалась я, ковырая вилкой овощное рагу.

– Спорт, конечно же! А вы что подумали? – Она елейно улыбнулась и завиляла обвислым задом в сторону двери, ведущей на кухню.

Ох, как было велико искушение запустить ей вслед тарелку с желто-красной размазней под названием «Рагу весеннее». Полная бессильной злобы, я как можно быстрее расправилась с обедом и, волоча ноги, поплелась из столовой. Свободного времени было предостаточно. Ровно столько, чтобы вновь облачиться в купальник, упасть на песок в нашей с Незнамовым бухте и предаться забвению с карандашом в руках. Нет, нужно еще было помахать рукой дяде Косте, что исправно отслеживал меня с противоположного берега. Нужно было дать понять ему, а заодно и себе напомнить, что у меня все в порядке. Черт с ней, с Дашкой, что целенаправленно вела свою линию по приручению моего Незнамова, приобщившись к бегу трусцой. Черт с ним, с Незнамовым, который при каждом удобном случае избав-

лялся от моего общества и сбегал на дорожку, опоясывающую пансионат. Черт с ними со всеми, в конце концов! Отдыха осталось меньше двух недель, так что вытерплю как-нибудь. Не стоит поднимать бурю в стакане воды из-за слабоумия некоторых озабоченных особ, возомнивших себя обольстительницами мужиков всея Руси. Пусть поет в уши Семену все, что только ей заблагорассудится, я-то в ответ на все его претензии лишь хохочу да норовлю обнять и поцеловать покрепче. Хотя, видит бог, с большим наслаждением сделала бы что-нибудь прямо противоположное…

Побережье было сегодня пустынным. Сизая рябь воды, температура чуть выше пятнадцати градусов и порывистый ветер разогнали всех отдыхающих по теплым домикам. Только мне не сиделось дома. Мне и еще этим двоим, чей смех я отчетливо слышала пятнадцать минут назад, проходя вдоль забора.

Я заученными движениями приподняла ветки сосны, вытащила матрас. Швырнула на песок сумку и, решив сегодня оставаться в одежде, подошла к самой кромке, сильно напрягая зрение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.